

Андрей Ветер

Скалистые Горы

Андрей Ветер

Скалистые Горы

«Издательские решения»

Ветер А.

Скалистые Горы / А. Ветер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858196-0

«Скалистые Горы» — сборник повестей о Диком Западе. Четыре самостоятельные истории с непредсказуемыми сюжетными линиями рассказывают о жизни индейцев и первых белых торговцев, проникших на дикую территорию. Много этнографии, много споров, много замешанной на романтике отваги, много любви — простой, даже грубой, но всё-таки любви. В книге речь идёт о Проткнутых Носах, Абсароках, Лакотах и Черноногих.

ISBN 978-5-44-858196-0

© Ветер А.

© Издательские решения

Содержание

Осенние ветры	6
Мёрзлая кровь	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

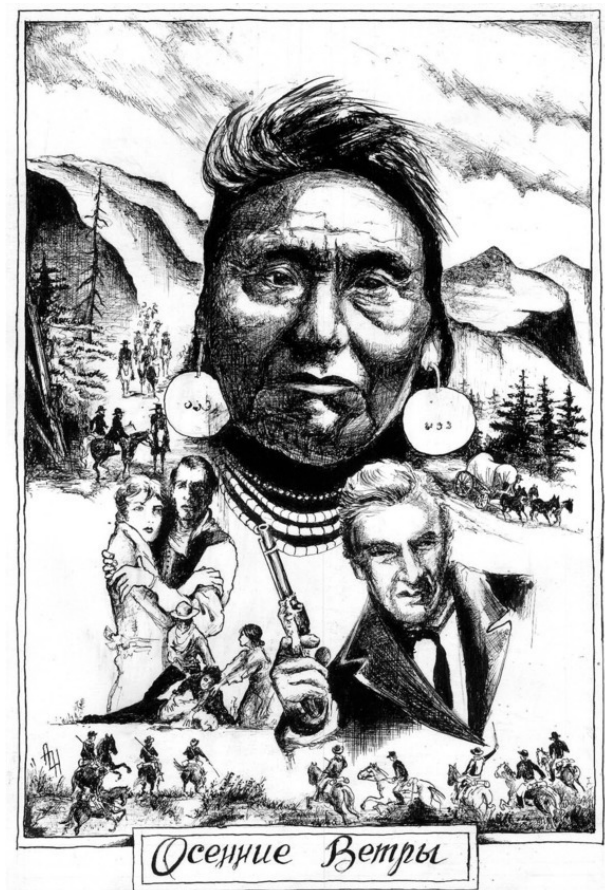
Скалистые Горы

Андрей Ветер

© Андрей Ветер, 2019

ISBN 978-5-4485-8196-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Осенние ветры

*«Кто никогда
не ел свой хлеб в печали,
Кто никогда не проводил
полуночных часов
В слезах, ожидая завтрашний день,
Тот вас не знает, небесные силы».*

Гёте

Мне бесконечно одиноко, бесконечно грустно, когда я вспоминаю о событиях, в буквальном смысле поглотивших меня летом 1877 года и удерживающих мою память по настоящее время, несмотря на благополучное для меня завершение. Мне до сих пор кажется невероятным, что клинки и копья не превратили моё тело в окровавленную грудку мяса, что я волен свободно дышать и передвигаться, а люди, которые могли уничтожить меня, но по неведомой мне причине сохранили мою ничем не примечательную жизнь, все почти сгинули.

Возможно, молва уже успела донести до вас историю небывалого похода дикарей, которым франко-канадские торговцы в давние времена дали престранное имя *Nez Perce*, то есть Проткнутые Носы. Но даже если вам известна суть дела, я всё-таки рискну рассказать вам об этом ещё раз, поскольку мне пришлось увидеть очень многое собственными глазами.

Ранней весной 1877 года я намеревался отправиться в город Стивенсвилль, чтобы провести месяц-другой в обществе Джулианы Тэйлор, которая хоть и доводилась мне кузиной, всё же заставляла трепетать моё сердце не просто по-родственному. Всякий раз, когда её прелестное личико являлось предо мной, я невольно заливался краской несчастного влюблённого, и одному Богу известно, каких трудов мне стоило укрощать вскипавшую во мне страсть. Я был ещё совсем юнцом, когда её образ проник в моё сердце и оставил в нём неизгладимый отпечаток, и это в течение многих лет казалось мне чудом. Мы выросли, изредка встречаясь семьями, но её прекрасные и яркие, как звёзды, глаза никогда не стирались из моей памяти.

Я всеми силами стремился к любимой моей Джулиане, однако затруднения в моих коммерческих делах продержали меня на Востоке до конца весны, и до Стивенсвиля я добрался лишь к середине июля. По дороге я узнал из газет, что индейцы из племени Проткнутых Носов подняли мятеж, покинули территорию своей резервации, расположенной в соседнем штате Айдахо, и уже находились где-то в Монтане.

Во второй половине семидесятых Америка считала, что время индейских войн уже кануло в прошлое. Последняя кампания в штатах Монтана и Вайоминг против Лакотов, которых вожди Неистовая Лошадь и Сидящий Бык подстрекали к неповиновению властям, завершилась, аборигенов поместили в резервацию, и мирные обыватели вполне могли рассчитывать на спокойную жизнь. Сидящий Бык, правда, сумел скрыться в Канаде, но его люди уже не представляли угрозы, наоборот, они сами стремились к спокойствию и всеми способами старались не попадаться на глаза белым.

Тем более ошеломляющим было внезапное решение Проткнутых Носов выйти на военную тропу. Никто и в мыслях не мог допустить, что это дружественное племя, никогда не враждовавшее с европейцами, вдруг возьмётся за оружие.

Но мне, пожалуй, придётся уделить несколько строчек недавнему прошлому, чтобы вы сумели понять подоплёку развернувшихся событий. Дело в том, что в конце пятидесятых годов граница золотодобычи стремительно продвигалась на тихоокеанский северо-запад. При активной поддержке армейских частей, базировавшихся в живописной долине Уалла-Уалла, наступление старателей на земли Проткнутых Носов удалось сдержать на некоторое время. Но пра-

вительственные чиновники прекрасно понимали, что затишье наступило не надолго. И уже в начале 1860 года один процветающий калифорнийский делец, торговавший с Проткнутыми Носами, выведаль, что аборигены частенько находят на своей земле жёлтый металл.

История эта кажется старой, как мир, и повторялась почти везде, куда ступала нога белого человека. Но дикари не придали особого значения появлению новых пришельцев на своей территории. Это племя никогда не сталкивалось со старателями прежде и не представляло, что за разработкой золотых жил обязательно последует хорошо известная Америке золотая лихорадка. Аборигены оставались в благодушном настроении, полагая, что старатели вскоре уйдут, вдоволь накопив и намыв для себя жёлтого металла. Увы, эти несчастные глубоко заблуждались.

Пятью годами раньше, то есть в 1855 году, губернатор Стивенс пригласил индейцев на переговоры, намереваясь склонить туземцев к продаже их обширных земель правительству. После долгих жарких споров свои подписи под соглашением поставили пятьдесят шесть вождей. Однако правительство США не ратифицировало договор вплоть до 1859 года, в результате чего денежные и продовольственные выплаты не поступали до 1860 года, то есть до того момента, когда более десяти тысяч старателей ринулись на земли резервации. Золотоискатели начали не только копать в чужой земле, но и угонять индейский скот. Напряжение нарастало.

В 1863 и 1868 годах были подписаны новые соглашения с Проткнутыми Носами, но они не только не улучшили положения индейцев, но наоборот – резервация была уменьшена в размере. Индейцы были в шоке. Один из вождей, подписавших бумагу, в гневе изорвал копию договора на мелкие куски и демонстративно уничтожил бережно хранимую им до того книгу Нового Завета. Это был знак, что он отказывался следовать по проторенной мирной тропе и не намеревался отдавать любимую им землю. Этот край был священным, там покоились кости предков, насыщая жизненной силой всё племя.

В январе 1876 года генерал Ховард писал: «В связи с тем, что договор 1863 года был подписан незначительной частью племени, территория, о коей ведётся речь, должна считаться владениями Проткнутых Носов. Я считаю, что с нашей стороны было бы недопустимой ошибкой начать какие-либо насильственные действия по отношению к тем родовым группам, которые не признают упомянутый документ и вполне обоснованно не покидают свою землю».

Обстановка продолжала накаляться, и военным властям всё чаще приходилось встречаться с вождями по причине постоянных мелких ссор индейцев с поселенцами, грозивших вылиться в настоящее кровавое столкновение.

В начале июня 1877 года трое юношей из племени Проткнутых Носов застрелили нескольких фермеров, утверждая, что мстили убийцам за смерть своих близких. Реакции последовали самые различные. Вождь Белая Птица собрал свой собственный совет и выступил против всякого проявления враждебности. Однако Две Луны и Большая Заря разъезжали по лагерю и призывали к выступлению, и слова их пали на благодатную почву. Наутро семнадцать молодых индейцев присоединились к трём соплеменникам, уже вкусившим крови Бледнолицых.

Сообщения о страшных нападениях отряда Проткнутых Носов прилетели к генералу Ховарду с невероятной быстротой, и он понял, что придётся оставить всякую надежду на мирное решение вопроса. Мирные граждане, до смерти напуганные кровавыми событиями, требовали от солдат немедленных действий. Никто из граждан нашей огромной страны, и я в их числе, не интересовался подробностями, руководствуясь привычной идеей, что хороший индеец – мёртвый индеец, и проснувшаяся в дикарях злоба служила доказательством этой нехитрой мысли.

Но я постараюсь быть последовательным.

Покуда прислуга занималась багажом, моя обожаемая кузина вышла встретить меня на крыльцо ладного домика, одарила неотразимой улыбкой и провела в комнаты, где седовласая тётушка Энни умиротворённо шевелила вязальными спицами. После восторженных поцелуев и приветствий меня оставили на некоторое время, дабы я мог отдохнуть с дороги и привести себя в порядок. А вечером я с энтузиазмом вверил себя власти очаровательной Джулианы, которая своим милым, почти детским щебетанием в считанные минуты заставила меня позабыть всякое беспокойство, вызванное грозными слухами о боевых действиях дикарей.

Не в моих силах воссоздать портрет этой девушки, потому что внешность её не подвластна перу даже самого гениального из поэтов. Прежде у меня хранился её фотографический портрет, приводивший меня в восторг, но теперь она из прелестной девочки сделалась истинне обольстительнейшей молодой женщиной, которая могла украсить своим великолепием королевский трон любого государства.

Не скрою, через три дня я не удержался и пылко признался Джулиане в любви, чувствуя жар во всём теле и не зная, куда повернуть лицо во время объяснения. Сердце моё металось, голова кружилась и готова была вовсе перестать меня слушаться. Кузина выслушала меня молча, бросая быстрые взгляды из-под волшебных пушистых ресниц, но по окончании моей страстной речи залилась задорным смехом, что повергло меня в глубочайшее уныние. Конечно, глупо было рассчитывать на что-то, но молодость есть молодость, любовь есть любовь. Разумеется, я не надеялся на то, что девушка бросится мне на шею, обовьёт руками и осыплет поцелуями, но какого-то знака милости я ждал, а за ним таилась и вера в то, что отношения наши могли бы расцвести и превратиться во взаимное чувство.

Должен сказать, что к тому времени я успел привыкнуть к весьма распущенному образу жизни, познал множество шикарных женщин, в большинстве своём из актрис, но моё влечение к белокурой кузине было иным. Ни разу в моих мыслях не возникал её образ в обнажённом виде, я не бредил её женскими формами, хотя понимал, что первый настоящий поцелуй повлёк бы за собой негасимое желание познать тело Джулианы.

Но девушка окатила меня шаловливым смехом и упорхнула с крыльца. Похоже, что она не желала видеть во мне никого, кроме старшего двоюродного брата. Я получил отказ, в этом не оставалось сомнений, однако обидеться на Джулиану я не посмел, как бы ни были задеты мои чувства.

В первый же день я заметил одного молодого человека, постоянно заходившего в дом Тэйлоров. Джулиана вела себя в его присутствии подчеркнуто любезно, и от меня не укрылось некоторое смущение в её глазах, едва он приближался к ней. Конечно, это не было основной причиной, по которой юноша мне не понравился, что-то чувствовалось в его характере особенное, тайное, холодное, скользкое. Мало того, я даже был уверен, что молодой этот человек был настоящим негодяем, хотя никаких оснований для такого умозаключения я не имел. Несмотря на многие мои недостатки, я всё-таки не склонен делать скороспелые выводы о людях, но в этой истории я не раз убедился в правильности моего мнения. Его звали Юджин Сэмтон. Не стану вдаваться в подробности, касающиеся его социального положения, потому что это не имеет значения в данном случае. Что же касается его характера, то и моя добродушная тётушка Энни, как и я, не сильно жаловала его, впрочем, не показывала этого.

Именно из-за Юджина Сэмтона случилось всё дальнейшее.

Однажды случай вывел меня вместе с Джулианой и Юджином на прогулку за город. Погода стояла подозрительная, тучки то рассеивались, пропуская сквозь утреннюю дымку косые солнечные столбы, то вновь стягивались над головой в сплошной серый покров. Кое-кто из местных жителей, с опаской поглядывая на лесные массивы, посоветовал нам не отлучаться слишком далеко – пришли сведения о том, что Проткнутые Носы развязали настоящую войну, что индейцев собралась целая орда, что они успели несколько раз хорошенько схлестнуться с регулярной армией и изрядно потрепали солдат.

– Теперь краснокожие переправились через Горький Корень и уже двигаются в нашу сторону! Я слышал это собственными ушами на телеграфе! – кричал нам вслед худосочный старик почтальон.

Гораздо позже, когда я занялся изучением истории войны Проткнутых Носов, мне стали известны подробности схваток индейцев с правительственными войсками.

17 июня произошла первая перестрелка между дикарями и солдатами. Рота капитана Перри остановилась на скалистых уступах, возвышавшихся над Ручьем Белой Птицы, на берегу которого расположился индейский лагерь. Перри был уверен, что индейцы, находясь в глубоком ущелье, нипочём не сумеют обнаружить кавалеристов, однако позже кто-то из его сослуживцев вспоминал, что слышал крик койота неподалёку, настойчиво повторившийся несколько раз подряд. Оказалось, это был сигнал индейских дозорных.

Примерно в три часа ночи солдаты стали готовиться к спуску в ущелье, чтобы провести внезапную атаку, и вскоре увидели в мутной синеве шестерых индейцев под белым флагом. Кто-то из дикарей крикнул на ломаном английском: «Что вам, людям, надо от нас?» К ним выехали три солдата, не произнеся ни слова, и один из них выстрелил. Индейцы мгновенно развернулись и скрылись. В ту же секунду со стороны послышался ружейный хлопок, и стрелявший солдат вывалился из седла.

Человек семьдесят Проткнутых Носов распределились по уступам и утёсам, ограждавшим их деревню, и открыли огонь, сразив в ближайшую минуту двенадцать солдат. Испуганные лошади, лишившись своих хозяев, заметались по ущелью, мешая остальным кавалеристам. Тем временем индейцы крадучись продвигались вперёд, некоторые скакали открыто, словно не опасаясь пуль. Гражданские ополченцы, пришедшие с солдатами, бросились бежать, сея вокруг себя панику, и довольно скоро синие ряды солдат разрушились и отступление сделалось общим. Чтобы принудить наиболее стойких вояк оставить свои позиции, Проткнутые Носы погнали на солдат большой табун лошадей, в гуще которого мчалось с полсотни индейцев. Деморализация военных была полная.

Реакция на разгром отряда капитана Перри была активной. В действие пришли все военные части, расквартированные в фортах в радиусе трёхсот миль от места событий. В Калифорнии и Аризоне собирались подразделения для переброски на поле военных действий, даже из залива Сан-Франциско и из далёкой Аляски поспешили артиллеристы. В дополнение к регулярной армии в Орегоне, Вашингтоне и Айдахо формировались добровольческие роты.

11 июля отряд генерал Ховарда, состоявший из четырёхсот солдат и сотни скаутов, ополченцев и обозной obsługi, навязал Проткнутым Носам бой на берегу реки Чистая Вода. Индейцы рассыпались между скалами и деревьями, подбираясь всё ближе и ближе к солдатам и вынудили их занять оборону. В первый день битвы не произошло особых изменений. Но на следующее утро Ховарду удалось кавалерийской атакой потеснить индейцев, а к полудню подоспел резерв Джексона и волонтёры Мак-Конвиля. В течение нескольких минут индейцы ожесточенно отбивались на своих баррикадах, но всё-таки их ряды дрогнули, и сию же минуту их стали теснить по всему фронту всеми возможными силами: артиллерией, пехотой и кавалерией. Движение сделалось всеобщим. Солдат остановила река, которую они сочли чересчур глубокой и стремительной, чтобы переходить её вброд. Эта задержка дала Проткнутым Носам возможность ускользнуть. Племя прошло вниз по реке и стало лагерем в безопасном месте. Оценив обстановку, Ховард разрешил своим людям сделать привал возле бывшего индейского стойбища, сплошь изрытого снарядами.

Прежде чем двинуться в дальнейший путь, вожди назначили пятерых воинов в аррьергард, и предосторожность не оказалась излишней, так как Ховард послал в погоню майора Эдвина Мэйсона с сильным отрядом кавалерии. Отряд Мэйсона напоролся на засаду 17 июля и повернул обратно. Несколько Проткнутых Носов тайно последовали за военными и сумели похитить из лагеря солдат сотни лошадей. Ховард лишний раз убедился в том, что с дикарями

нельзя обходиться полумерами. Ничто, кроме полноценного удара, не могло заставить вождей покориться.

Индейцы тем временем предприняли рискованный переход через горную гряду по Тропе Лоло и оказались на территории штата Монтана. Их появление в Монтане было воспринято очень многими людьми как настоящее военное вторжение. Газеты не переставали публиковать подробную информацию о восстании «кровожадных краснокожих» с самого первого дня. Когда же пришли сведения о том, что индейцы двинулись по Тропе Лоло в сторону долины Горького Корня, слышались не на шутку встревоженные голоса.

27 июля Проткнутых Носов встретил капитан Роун и вступил с дикарями в переговоры. Отряд Роуна был слишком малочислен, и индейцы прекрасно понимали, что капитан не сможет остановить их. Тем не менее они решили не вступать в бой. Пока шли переговоры, разведчики отыскиали узкую тропку, ведущую через горные уступы в долину Горького Корня. Теперь Проткнутые Носы находились, возможно, совсем близко от Стивенсвиля, и горожане были в полной уверенности, что в сторону их города катилась лавина варваров.

Мы с Джулианой вспоминали о кровожадных дикарях ежедневно, но так уж устроен человек, что даже самые страшные слухи в недолгое время становятся привычными и перестают пугать. Моя настороженность успела почти полностью рассеяться в обществе очаровательной кузины, полностью вытесненная любовью.

Когда наша коляска остановилась, Юджин, прекрасно ладивший с лошадьми, распряг их и пустил пастись. Невольно я запротестовал, вероятно испытывая подсознательное беспокойство, но Джулиана подняла меня на смех, и я смолк. Она относилась к тем натурам, которые вообще не умеют держать в голове тревожные мысли, стараясь изгнать их немедленно и предаться приятным беседам.

Дальше всё произошло, как в приключенческом романе. Мы едва успели расположиться на расстеленных одеялах, чтобы полакомиться кусочками прихваченного яблочного пирога и цыплёнком в ореховом соусе, как в конце долины, за которым в голубой дымке поднимался горный массив, замаячили всадники. Их было много, ехали они спокойно. Когда же они приблизились настолько, что стали различимы характерные черты их туалета, Юджин громко и отвратительно выругался и бросился к лошадям, наступив кожаными сапогами на тарелку с пирогом.

– Индейцы! – выдохнула Джулиана испуганно, хотя всего пять минут назад горячо убеждала меня, что ничего не боится и что никто из дикарей никогда не осмелится поднять на неё руку. Мне и прежде приходилось встречать женщин, которые считали, что их красота способна обезоружить самого отъявленного преступника и оградить от опасности. Увы, я повидал в жизни людей, не способных не только преклоняться перед красотой женщины, но и вообще не имевших понятия о красоте. Таким человекоподобным тварям всё едино: что младенец, что старик, что гремучая змея, что соблазнительная женщина...

Я кинулся к Юджину с желанием помочь ему с упряжкой, но в ужасе увидел, что молодой человек не собирался запрягать лошадей в коляску. Он уже сидел верхом и, будучи замечательным наездником, без седла помчался в сторону города. Милое личико моей кузины потеряло присущую ему краску жизни и стало мёртвого оттенка. Я залез в коляску, судорожно шаря руками под сиденьем, но не обнаружил там никакого оружия, один лишь завязанный в узел кнут. Тем временем индейцы приближались. Это была моя первая в жизни встреча с настоящими дикарями, и ничего доброго я от неё не ждал. Я вернулся к Джулиане и крепко прижал её к груди, слыша громкий стук её сердечка. Так колотится перепуганное тельце пойманного голубочка, когда сжимаешь его в руках... За что судьба не позволила нам вот так прильнуть друг к другу при других обстоятельствах и насладиться любовной негой?.. Мы стояли, обнявшись, взирая на совсем уже близких всадников, предчувствуя скорую расправу и внутренне моля Господа о пощаде.

Индейцы подъехали вплотную. Они носили ярко расшитые экзотические наряды, кое-кто украсил голову шляпой, другие прицепили к затылку перо. Длинные волосы всадников стекали густой копной на спину, а у некоторых были сплетены у висков в тонкие тугие косы. Все ехали с ружьями в руках. Позади первых всадников виднелся огромный табун лошадей, индейские повозки без колёс и вереница людей без оружия – женщины, старики, дети. Все были верхами. Слышался спокойный говор, тявканье собак и топот копыт.

Человек десять индейцев окружили нас, и я увидел прямо надо мной чёрные глаза одного из них. Смоляные волосы его были высоко зачёсаны над лбом, а косы с вплетёнными в них меховыми полосками падали на грудь.

– Оллокот, – произнёс он, коснувшись ладонью своей широкой груди, и на лице его появилась откровенная жалость, замешанная на презрении, когда он увидел мой страх.

Рысью подскакали несколько всадников, они что-то быстро говорили, активно жестикулируя. Затем среди них появился ещё один, внимательно посмотрел на меня и Джулиану и покачал головой. В его ушах висели большие серьги, сделанные из речных раковин, а на груди, поверх европейской рубашки и чёрной жилетки, болталось несколько рядов цветных бус. Он заговорил с нами на своём языке, и соседний всадник стал переводить, слегка коверкая слова:

– Вам нечего бояться. Мы не причиним зла. Мы никого не желаем убивать. Мы оставили войну по ту сторону горного хребта. Солдаты хотели драться с нами, но мы не желаем ничьей смерти. Нам нужно только свободно пройти дальше. Вы проводите нас до своих домов, и мы купим у вас то, что нам нужно...

– Кто он? – выдавил я, обращаясь к переводчику, немного успокоившись.

– Он один из наших вождей. Его зовут Жозеф. Так его назвал священник Спалдинг, когда он был ребёнком.

Жозеф велел своим воинам запрячь нашу коляску, и они даже выделили нам свою лошадь из табуна. Вскоре мы двинулись в путь. Вождь Жозеф ехал рядом с нами. Мы с Джулианой успели оправиться от первого шока, но ещё не до конца овладели своими чувствами. Я, к примеру, ясно слышал, как у меня в горле прыгал холодный комок и мешал мне нормально разговаривать. Волнение оставалось, не растворялось, несмотря на явное дружелюбие туземцев. Очевидно, слишком глубоко в подсознании сидело издавна вживлённое чувство страха перед необузданностью индейцев, их коварством и жадой крови. Но мы ехали среди них, и никто не посягал на нашу честь и жизнь. Никто не прыгал вокруг нас со страшными ножами для оскальпирования. Мне казалось, что я попал в ожившую поэму Лонгфелло, где властвовали легендарные Маниту и Гайавата, где переливались буйные краски узоров, били барабаны, танцевали сказочные фигуры с перьями в волосах и боевыми топорами в руках. Впрочем, ярких узоров на костюмах Проткнутых Носов хватало с лихвой, не хватало лишь таинственных телодвижений ритуальной пляски, но на самом деле меня совершенно не тянуло увидеть их обряды. Мне с избытком хватало того, что уже было.

Через некоторое время я остановил коляску, вспомнив о Юджине, и подумал, что бросивший нас молодой человек вполне мог рассказать какую-нибудь душещипательную историю в Стивенсвиле о нашей мученической кончине. Я сбивчиво объяснил вождю, что были некоторые обстоятельства, из-за которых горожане могли встретить Проткнутых Носов пулями, и предложил Жозефу пустить меня вперёд, чтобы я заверил жителей в мирных намерениях индейцев. Должен сказать, что я не очень-то верил в то, что жителей Стивенсвиля можно уговорить не браться за оружие. Но моя милая Джулиана немало потрудилась, когда мы вкатили в город, крича вовсю, чтобы никто не начинал стрелять.

И произошло чудо – Стивенсвилль впустил вождей Проткнутых Носов на свои улицы. Индейцы поставили свои палатки чуть поодаль, но множество их вскоре появилось возле магазинов с большим количеством лошадей. В прежние времена они уже бывали здесь по торговым

делам. Теперь вожди поспешили договориться с торговцами, чтобы те ни при каких условиях не продавали индейцам спиртные напитки.

Случилось, что какой-то владелец магазина нарушил договор, и его торговый пункт был немедленно закрыт другими торговцами на время пребывания поблизости индейцев. Но один молодой дикарь успел приобрести у этого торговца бутылку виски и тут же опорожнил её. Я был поражён, насколько быстро среагировали его соплеменники. Вождь по имени Зеркало сразу же приставил к пьянице охрану, отобрал у него оружие и отправил в стойбище. В течение двух дней этот статный и красивый лицом вождь лично патрулировал центральную улицу города, чтобы никто из индейцев не ввязался в неприятную историю.

Индейцы бродили вдоль прилавков гурьбой, разглядывали товары, подолгу вертели их в руках. Замечу, что цены им заламывали едва ли не вдвое выше обычного, но эти доверчивые дети природы мало что смыслили в деньгах, поэтому расстались с большей частью своих сбережений, которые заработали, занимаясь коневодством на своей земле. Иногда они расплачивались не деньгами, а лошадьми. Проткнутые Носы владели прекрасными табунами, это отмечали все, и дикари считали это своим основным богатством. Некоторые жители отправлялись в индейскую деревню и продавали там оружие и боеприпасы по головокружительным ценам. Я слышал, как какой-то толстый спекулянт с лоснящейся поросычьею физиономией рассказывал, что брал с них по доллару за один патрон. Это ли не дикость!..

Но я позабыл о Юджине, а ведь он бросил нас.

С какими гневными упрёками накинулась на него Джулиана, сжав побелевшие кулачки.

– Но я не бросил вас, клянусь всем святым! Я отправился за помощью! – размахивал он руками, отступая от девушки. – Я не мог бы оставить вас на произвол судьбы, Джулиана. Зачем вы так говорите? В сущности, я знал, что индейцы настроены мирно, ведь от капитана Роуна пришло сообщение, что они не стали драться с ним. Но на всякий случай я поскакал за помощью. Верьте мне, заклинаю вас!

– Что же вы не вернулись? – Она обожгла его сверкнувшими глазами. – Где же затерялась ваша помощь?

– Никто не захотел, все были уверены, что краснокожие настроены мирно.

– Вы лгун, Юджин Сэмтон! – воскликнула девушка. – Вы трус и лгун! Я была о вас совершенно иного мнения!

Она ещё очень долго выговаривала молодому человеку, а он всячески оправдывался и чуть ли не начал лебезить перед ней, в то время как я прислушивался к этой словесной перепалке и усмехался, испытывая немалое удовольствие оттого, что гнев Джулианы обрушился на Юджина Сэмтона со всей мощью. Я нарочно отсиживался в отведённом мне кабинете и не показывался в комнате, где происходил нелицеприятный разговор, не желая встречаться ни с кем из них. Затем Юджин, оскорблённый упрёками Джулианы, хлопнул входной дверью, едва не разбив стекло, и покинул дом.

Вечером тётушка Энни принимала приглашённых ещё пару дней назад гостей, в числе коих были отец Бертли из ближайшей епископальни и чета Мэринсонов. Разговоры перескакивали с темы на тему, не останавливаясь подолгу ни на чём, пока мы не коснулись приехавших в Стивенсвилль Проткнутых Носов. Тут я со свойственной мне горячностью высказал по поводу дневного происшествия всё, что думал о войне, идеологии, политике. Но больше всего досталось Юджину Сэмтону.

– Послушайте старого человека, юноша, – ответил на мои резкие слова после некоторой паузы отец Бертли, – вы имеете столько же права говорить так, как вы только что сказали, сколько права имеет любая свободная личность высказывать совершенно противоположные мысли. То же самое касается и поступков.

– Вы хотите сказать, что людям можно поступать подло? – искренне поразился я.

– Если от человека скрыты различия между добром и злом, а значит и воля Божья, то ему нельзя вменять в вину, когда он выбирает плохое. Для таких нет разницы между одним и другим, они не свободны в выборе. А если нет свободы воли, то нет и греха. Так что не спешите судить людей, даже когда кто-то творит зло. Бог осудит. Бог накажет.

– По-вашему, всякое стремление к уничтожению хамства и подлости нужно оставить?

– Дело в том, что это ваше стремление само уже является носителем разрушительной силы, а потому может называться злом. Загнивает лишь то, что таит в себе некий изъян. Всякая болезнь, мой друг, даётся человеку для очищения. А ваш, как вам кажется, праведный гнев есть не что иное, как ваша червоточинка, ваша болезнь. Она будет привлекать к вам всякого рода негодяев и разбойников. Вы сами агрессивны, юноша, и потому Господь будет обрушивать на вас самые тяжкие испытания.

– Я не могу согласиться с вами, отец.

– Мне понятно ваше упорство, молодой человек. – Отец Бертли посмотрел на меня, но взгляд его был просторен и охватывал всех сидящих за столом. – Вы ошибаетесь, полагая, что способны повлиять на течение жизни. На всё воля Господа. Вам придётся однажды вкусить горькие плоды лишений за вашу великую непримиримость. Кто находится в состоянии возмущения, тот не может приобщиться к благодати.

Я решительно отказывался принять слова отца Бертли, я не допускал даже возможности существования скрытой в них чудовищной правды. И уж никак не мог я предчувствовать тогда уготовленной мне судьбы.

Представьте себе – на следующий день я столкнулся с Юджином, когда направлялся на почту, чтобы отослать письмо моим родителям. По улице сновало множество индейцев, лошади поднимали пыль, скрипели телеги, хлопали двери магазинов и баров.

Возле дверей салуна стоял, попыхивая длинной сигарой, Юджин Сэмтон. Он казался сильно раздражённым и с какой-то яростью принялся расспрашивать меня о самочувствии Джулианы, о её душевном состоянии. Вольно или невольно с моих губ сорвался упрёк в его адрес за вчерашний поступок. Молодой человек буквально взбесился. Он оттолкнул меня, безумно выкатил глаза, побелел, закричал, испугав стоявших поблизости людей, затем схватил меня за воротник и ударил кулаком в лицо. Меня никогда прежде так не били, поэтому удар поверг меня на землю, а ещё более – в неописуемое изумление. В голове что-то рассыпалось, подобно тонкой фарфоровой чашке. Я нащупал под собой опору и попробовал встать, но расшвырявший Юджин стукнул меня второй раз. Во рту стало кисло.

– Это ты, мразь отвратительная, – брызгал слюной молодой человек, склонившись надо мной, – ты наговорил обо мне всякой дряни Джулиане! Это по твоей вине, сволочь, она отвернулась от меня! Но я тебе устрою встряску, столичный ублюдок, дерьмо тараканье!

Он пнул меня ногой в живот несколько раз подряд, и пыль залепила мои глаза. Пока я корчился и отплёвывался, он успел скрыться в салуне и через минуту появился снова. Я уже уселся посреди дороги, но никак не мог прийти в себя и крутил головой. В руках Юджина я увидел винтовку. Соображал я туго, оглушённый ударами, поэтому не успел осознать, что жизнь моя повисла на волоске. Клянусь, что оружие в его руках ничуть не смутило меня. Вчерашняя встреча с индейцами напугала меня несравнимо больше, хотя они мне вовсе не угрожали. Я смотрел на винтовку в руках Сэмтона и медленно размазывал кровь по щекам.

В эту секунду до меня долетел глухой стук копыт, промелькнуло жилистое тело лошади, что-то шёлкнуло, и всадник промчался дальше, оставив Юджина без оружия. В каждом городе любое уличное происшествие мгновенно собирает толпу зевак. Так случилось и сейчас. Сгрудились случайные прохожие, заохали женщины в чепчиках, послышался детский визг. Какие-то люди, подоспевшие ко мне, чуть позже рассказали, что на картину моего избития смотрели со стороны пять верховых индейцев, но они не собирались вмешиваться. Однако когда взбесившийся молодой человек вскинул винтовку, один из Проткнутых Носов хлестнул коня

плёткой, промчался между мной и Сэмтоном и при помощи плётки выдернул оружие из рук безумца. Юджину сумели заломить руки и спровадили куда-то подальше от места нашей драки.

После этого инцидента Джулиана провела подле меня почти два часа, и я чувствовал себя счастливейшим человеком, видя бесконечное внимание кузины к моей незадачливой персоне и жадно принимая её ласки. Я позабыл о синяках и распухшей губе и любовался девушкой, её нежными глазами, блаженствовал под прикосновением её подрагивающих тонких пальцев. Джулиана не уставала причитать, что в всём случившемся была только её вина, потому что она давно уже дразнила Юджина и всячески разжигала в нём огонь ревности, получая от этого какое-то озорное удовольствие. Я посапывал вздувшимся носом и тихонько мечтал о благородной мести.

Мало-помалу девушка опустила голову совсем низко ко мне, не переставая поглаживать мои всклокоченные волосы. Я склонен думать, что в ней пробудились материнские инстинкты, которые никогда прежде не давали ей знать о себе. Теперь же новое чувство, смешавшись с волнением и жалостью, захватило её молодую душу и требовало хоть какого-нибудь проявления. Джулиана прикоснулась губами к моему лбу, и я притих. Влажное тёплое касание заставило меня затрепетать. Я стиснул её пальцы и почувствовал лёгкое ответное пожатие. В следующую секунду её губы наградили меня поцелуем в щёку, затем едва уловимо дотронулись до моего разбитого рта.

– Больно? – прошептала она, и её глаза оказались прямо перед моими. В глубине серых зрачков я увидел дно волшебного озера, с которого поднималась волна слёз.

– Я потерплю, – прошептал я и прижался моими распухшими губами к её, заставив их приоткрыться и пустить меня внутрь.

В ту минуту я осознал, что любил и хотел Джулиану так, как хотел всех прежних моих женщин. И я позволил поэтическим грёзам отступить на задний план. Ничто более не сдерживало меня, руки привычно притянули тонкое тело и скользнули к затянутой в корсет талии, рот пробежал от мягких девичьих губ к бархатистому изгибу шеи.

– Ах, – вырвалось у девушки, и она отодвинулась от меня сильным рывком. – Разве мы можем так?

В её глазах плавал туман, грудь тяжело вздымалась под тесным платьем. Я приподнялся и потянулся к ней, но она упёрлась в меня обеими руками.

– Нет... – стремительно поднялась, зашуршав пышной юбкой, и поспешно вышла за дверь.

– Проклятье! – выдохнул я.

Эта женщина спутала абсолютно всё в моей голове. Я вдруг стал твёрдо уверен в том, что она специально терзала меня, заставляла любить, подпускала к себе только для того, чтобы оттолкнуть. Я был для неё не более близким и не более далёким, чем Юджин Сэмтон. Она дразнила нас обоих и специально причиняла жестокую боль. Мне не хотелось верить, что кузина могла таить в душе подобное коварство, ведь это поведение никак не соответствовало её чистой, как мне казалось раньше, натуре. Но ведь нападение Юджина на меня произошло только по её вине. И если бы не внезапное вмешательство индейца, отнявшего у Юджина винтовку с уготовленным мне куском свинца, я бы уже ни о чём не беспокоился...

Вспомнив о Проткнутых Носах, я решил пойти и поблагодарить их. Я торопливо собрался и вышел на улицу, никому ничего не объясняя. Я и подумать не мог, что через несколько минут в моей судьбе произойдёт очередной крутой поворот.

Я вновь увидел Юджина, но на этот раз я не приблизился к нему и свернул за угол, чтобы переждать, покуда непредсказуемый в своём поведении парень пройдёт со своими друзьями мимо. Начинало смеркаться. Они шагали неспешно. В наступившей вечерней тишине раздавался хруст песка под их каблуками. Их разговор заставил меня насторожиться.

– Дело верное, нечего колебаться, ребята, – слышал я голос Сэмтона, и в нём звенела затаённая злоба. – Держу пари, что краснокожие не станут громко возмущаться и искать десяток-другой пропавших коней, потому как дольше им тут задерживаться нельзя. За ними по пятам идут солдаты, скоро сюда прибудет генерал Ховард. Решайтесь...

Такой поворот дела заставил меня поспешить. Мне вовсе не хотелось, чтобы индейцы, спасшие мне жизнь, подверглись нападению и ввязались из-за этого в драку. Минут через тридцать я уже находился посреди лагеря кочевников и с любопытством разглядывал их конусообразные жилища из кожи. Я не таился, но на меня никто не обращал внимания, словно я был вполне естественным предметом в деревне индейцев. Побродив среди палаток, я приблизился к пожилому мужчине и обратился к нему на английском языке. Он улыбнулся в ответ широкими губами, и кожа на его лице пошла складками. В сгущавшемся сумраке он показался мне добродушным дедушкой, и трудно было поверить, что он когда-то кого-то убивал и снимал скальпы. Разумеется, дикарь меня не понял.

– Мне нужен ваш вождь. Кто у вас вождь? Где Жозеф?

Услышав имя, туземец снова улыбнулся и повёл меня за собой.

В большой палатке, куда я шагнул, низко пригнувшись, находилось человек десять индейцев. По их лицам плавал красный свет потрескивающего костра.

– Я хочу предупредить тебя, – начал я без предисловий, когда увидел перед собой индейца, знакомого мне по первой встрече с Проткнутыми Носами, и рассказал ему о замысле Юджина украсть лошадей. Вождь рассмеялся, услышав о таком коварстве, и отдал какое-то распоряжение своим людям. Я облегчённо вздохнул, полагая, что совершил нечто значительное, важное и полезное. Лишь потом я понял, что никогда Сэмтон со своими конокрадами не сумел бы увести из-под носа Проткнутых Носов их красивых мустангов. Но в тот день я был уверен, что оказал индейцам огромную помощь.

– Они не убьют воров? – спросил я, кивнув на удалившихся воинов.

– Зачем? Мы возьмём их, приведём сюда, посмеёмся над их глупостью и жадностью. Зачем убивать, когда в этом нет нужды? – ответил Жозеф через переводчика. Он говорил, и мне казалось, что я понимал его слова сам, без посредника. – Я всегда рад возможности избежать кровопролития. И без того уже много крови пущено, много пожаров устроено. Многие думают, что всего следует добиваться силой, но не я. Я знаю, что сила умеет только разрушать. Доброе сердце не может быть сильным, оно несёт слабость. Слабость и мягкость делают человека похожим на небо, в котором нет камней, но оно вырывает из земли даже деревья с корнями. И небо нельзя разрушить, как крепкую стену. Но мало кто из моих людей разделяет мои мысли. Белый человек тоже думает иначе, поэтому он всё разрушает. Ему кажется, что он проявляет свою власть, сокрушая. Увы, это не так. Разве может считать себя хозяином владелец разрушенного?.. Было время, когда здесь не было людей с белой кожей, и мы жили счастливо. Но к нашим отцам и дедам пришли ваши предки и стали селиться меж нами. Они называли нас Проткнутыми Носами, потому что раньше многие наши люди прокалывали носы, чтобы носить украшения. Сегодня почти никто не прокалывает себе нос. Всё изменилось. Даже дружба. Мы никогда не враждовали с пришельцами. Мы дали им обещание жить мирно и ни разу не нарушили его. Однако белые почему-то не любили нас. Я слышал, что они никого не любят, даже своих братьев. Они любят богатство и поэтому отнимают у других то, что могут отнять. Мой отец предупреждал, что белый человек когда-нибудь захочет отнять у нашего народа последнюю нашу землю – Уаллоуа, долину Извилистых Вод. Этот край священен. Тут покоятся кости предков и питают жизненной силой наше племя. Земля существует с незапамятных времен, и сотворена она была без изъянов. Человеку не полагается вторгаться в неё, мы можем лишь пользоваться её дарами. Наши шаманы говорили так: «Юношам нельзя работать. Люди, отдающие себя работе, не могут получать видения, а через видения мы получаем мудрость. Белые требуют, чтобы мы распахивали землю, но можем ли мы взять ножи

в руки и вспороть груди наших матерей?» Умирая, мой отец велел мне закрывать уши всегда, когда кто-то заводит разговор о продаже нашей земли. И вот белые стали требовать Уаллоуа. А там лежит тело моего отца. Я похоронил отца в красивой долине, где звенели чистые воды ручьев. Я люблю эту землю больше любого другого места. Великий Дух создал мир таким, какой он есть и каким он хотел его видеть. Часть он отдал индейцам, чтобы они там жили. Почему же генерал Ховард приказал нам уйти? Разве он – Великий Дух? На последней встрече с генералом поднялся наш вождь Ту-Хул-Хул-Зот и открыто запротестовал. Он сказал, что белого человека никто не делал вождем над индейцами. Но Ховард не желал слушать и арестовал Ту-Хул-Хул-Зота. Его держали в тюрьме пять дней, затем выпустили, и он стал призывать молодых воинов к войне. Он был сильно разгневан, я не могу упрекать его. Несколько юношей взяли за оружие и убили четырёх фермеров. Они не скрывали своего деяния, уверяли, что мстили за погибшего отца. Я не знаю. Теперь всё равно. Солдаты никогда не разбирались, кто виноват, они стреляли во всех. Но сейчас война осталась позади. Мы идём на север и не желаем драться...¹

В это время шумно откинулось кожаное покрывало над входом, и в свете костра появились пять индейцев. Они втолкнули внутрь Юджина в разорванной рубашке и двух его сообщников. Сэмтон был мрачнее тучи. Руки у всех были стянуты сзади сыромятными ремнями. Увидев меня, Юджин Сэмтон перекосялся всем лицом, голова его втянулась в плечи, и он заскрежетал зубами.

Полог снова откинулся, и к нам шагнул высокий воин, которого я тоже видел в день первой встречи с племенем.

– Это мой младший брат Оллокот, – сказал Жозеф.

Оллокот заглянул в глаза пленников. Незадачливых конокрадов стал бить озноб. Я прекрасно понимал их состояние. Страх – величайшая из болезней, коварнейшая из сил, и не всякая натура способна противостоять этой силе. Несчастные не ожидали ничего хорошего, и я готов биться об заклад, что ни один из них даже не мечтал, что мог рассчитывать на пощаду. Слушая томительный треск костра и глядя на мрачные лица дикарей, бедняги чувствовали, что смерть и пытки уже витали в воздухе.

– Не бойтесь, – невнятно пробормотал я пленникам.

Утром деревня быстро свернулась и двинулась в путь. Пленникам освободили руки и показали жестами, чтобы они уходили с глаз долой. Я запомнил дрожащие губы Сэмтона и его свистящий шёпот:

– Ты видел мой позор, мистер Лэсли Грант, и за это я тебя убью! – Он плюнул в мою сторону. – Мне не удалось сделать это вчера, но в следующий раз никто не спасёт тебя! Я отрежу твой скальп и прибью его над моей кроватью. Запомни это, друг индейцев!

Мне не доставляет никакого удовольствия говорить об этом, но, кажется, я по-настоящему струсил в ту минуту. Неведомый доселе ужас пригвоздил мои ступни к земле, и я неподвижно остался стоять на месте, провожая стеклянным взглядом три растрёпанные фигуры конокрадов.

Проткнутые Носы вытягивались за моей спиной в длинную колонну. Их насчитывалось около шести сотен человек. Мальчуганы постёгивали лошадей, управляя табуном. В деревьях пели птицы. Внезапно я не захотел расставаться с этими сильными, спокойными и уверенными

¹ По своей природе вождь Жозеф был больше дипломатом, нежели военным. Он всегда спорил и уразумлял своих противников с позиции справедливости и силы. Что касалось договора о продаже земли, он говорил: «Если мы когда-либо владели этой землей, то мы и теперь владем ею. Комиссионеры настаивают, что наша земля продана правительству. Но представьте, что приходит белый человек ко мне и заявляет, мол, мне нравятся твои лошади, Жозеф, я хочу купить их. Я ему отвечаю, что мне самому нужны мои лошади. Тогда он направляется к моему соседу и объясняет ему, что хотел бы приобрести моих лошадей, но я не продаю их. Сосед говорит ему: давай мне деньги, и я продам тебе лошадей Жозефа. Тогда белый человек возвращается ко мне и объявляет, что купил моих лошадей и что я должен теперь отдать их ему. Если правительство когда-то и приобрело наши земли, то именно таким способом». (Здесь и далее прим. автора)

в себе людьми. Я ощутил себя совершенно защищённым среди них, и вот они уходили. Мир представился мне невероятно опасным и страшным без этих людей, он угрожал мне, он распахнул зубастую пасть и тянул ко мне цепкие лапы с острыми когтями. Неведомый мне индеец, легко и просто спасший мне жизнь, сделался для меня символом всего племени. Он был ловок и могуч. Он был дружелюбен и прост.

Я бегом направился к далёкому всаднику, в котором узнал Жозефа. Объяснения мои были сбивчивы, да он и не понимал меня без переводчика, но молча кивал головой. Я и сам не понимал себя. Очень долго я шёл возле коня Жозефа и не переставал говорить. В какой-то момент вождь остановился и кликнул кого-то, после чего мне привели лошадь.

Так я и сделался одним из них, не имея с ними в действительности ничего общего.

Поступив так, я сделал поворот, приведший меня в мир, доселе скрытый от моих глаз. Мне предстояло окунуться в бурный поток горести и боли и познать то, что встречал в приукрашенном виде лишь на страницах романов.

Через несколько дней я совсем свыкся с Проткнутыми Носами. Никто не обращал на меня внимания, никто не проявлял удивления. Я мало понимал их, но я прекрасно себя чувствовал, погружённый в странное состояние полуодиошества. Подолгу находясь в полном молчании, я почувствовал, как стал погружаться в настоящее спокойствие, которого был лишён долгие годы. Не металась вокруг меня бесполезные слова, которыми мы привыкли заполнять натянутость в разговоре, затянулись туманом забвения суетные дела, связанные с бесконечной погоней за прибылью. Улеглась даже нервная страсть к Джулиане, и, вспоминая о кухне, я представлял её просто тонкой, почти из сна вышедшей мечтой.

Моё присутствие среди дикарей уже казалось мне вполне закономерным, и я не задумывался над тем, что оно не продлится долго. Я участвовал в повседневной работе индейцев по мере моих сил и умения. С каждым днём я увереннее сидел в седле. Всё меньше ощущалось отсутствие привычной крыши над головой. Похоже, человек достаточно легко расстаётся с тем, что ему на самом деле не нужно. Живя в кочевой палатке, я с удивлением обнаружил, что меня всегда больше пугали мысли о каких-то крутых переменах, чем сами перемены.

Долина Горького Корня осталась позади. Военный вождь по имени Зеркало выслал назад несколько групп бойцов и получил сообщение, что солдаты со своими тяжёлыми фургонами основательно отстали. Это убедило Зеркало, что война осталась позади. Он даже прекратил направлять разведчиков.

Я помню случай, когда несколько нагловатых молодых индейцев вошли в торговую лавку и, напугав своим видом хозяина, взяли кое-какие товары, не расплатившись. Прознав об этом, Зеркало немало рассердился и велел воинам отправить торговцу пяток лошадей в качестве платы.

– Мы должны показать всем, что никому не угрожаем и поэтому никого не боимся. Мы не военный отряд. Мы просто идём туда, где никому не будем мешать...

Проткнутые Носы уверенно двигались вперёд, идя по следу своей великой мечты о свободе.

Лопнувшая Тетива, выполнявший обязанности переводчика, старался не покидать меня и по выражению моего лица безошибочно угадывал, когда мне требовались его услуги. По этой причине у меня сложилось впечатление, что я всё понимал сам.

Обычно я старался держаться поближе к Оллокоту, а не Жозефу. Этот воин пользовался во всём племени огромным уважением и почётом. Он был необычайно крепкого сложения, приятной наружности и казался мне воплощением древнегреческого божества. Я был очарован им. Откуда среди дикарей такие личности? Возле него обычно находились Красное Эхо и Радуга, всегда вооружённые и решительные.

Перевалив через Водораздел, мы вступили в горную долину, известную под названием Большая Дыра. Выгнувшись полумесяцем, она была защищена с восточной и западной сторон

скалистой грядой. Множество ручейков звенело в долине среди пестреющих душистых цветов и вливались в прозрачную реку, на западном берегу которой поднимался красивый сосновый бор.

Проткнутые Носы разбили лагерь на восточном берегу реки. У меня создалось впечатление, что индейцы обосновались здесь надолго. Женщины собирали дрова и срезали шесты для волокуш. Шестам полагалось просушиться несколько дней, и это означало, что индейцы не спешили. Мужчины охотились и рыбачили, заготавливая провиант. Вечером в стойбище слышались удары барабанов, начались танцы.

Тут я заметил прямую, как жердь, фигуру шамана. Он угрюмо прошествовал в длинной чёрной шкуре бизона, испещрённой мелкими рисунками. Его голову не украшал никакой убор, и чёрные тщательно расчёсанные волосы волновались на ветру.

– Облачная Куча чем-то обеспокоен, – сказал мне Лопнувшая Тетива. – Погляди на его лицо. Такие глаза предвещают беду.

– Беда подкралась к нам, – сказал шаман, останавливаясь перед Жозефом и Зеркалом. – Нельзя оставаться тут. Я чувствую опасность. Она скрывается где-то под боком.

Вожди промолчали. Глашатай обежал деревню и вызвал остальных вождей и ведущих воинов племени.

– Облачная Куча говорит, чтобы мы уходили отсюда, – объявил Зеркало.

– Я тоже получил знак от моего тайного помощника, – сказал Пять Ран, – и он посоветовал мне покинуть это место. Но я не знаю, с какой стороны подкрадывается опасность. Куда уходить нам?

– Думаю, что было бы неплохо послать назад отряд разведчиков, – высказался Жозеф, – мы давно не проверяли, нет ли на наших следах солдат.

– Если военный отряд появится в долине Горького Корня, то жители могут испугаться. Они подумают, что мы решили вернуться и воевать, – возразил Зеркало. – Нет, я не пошлю воинов туда.

– Если ты ошибаешься, то прольются слёзы и кровь, – покачал головой Жозеф.

Тогда поднялся Пять Ран и обратился к Зеркалу:

– Пусть будет по-твоему, Зеркало. Ты – один из наших вождей. Я одинок. У меня нет ни жены, ни детей, которых я могу подставить опасности. Я никого не потеряю из родственников. Но человек плачет не только по своим родным. Я чувствую беду. Но ты – военный вождь. Что бы ни произошло, пусть это будет на твоей совести.

Итак, никто из разведчиков не выехал из лагеря в тот вечер.

А ранним утром над спящей деревней рассыпались хлопки выстрелов. Пронзительно и нервно откликнулось эхо. Я проснулся мгновенно, ощутив в животе отвратительный холод и пустоту, будто из меня рывком вытащили все внутренности. Голову обложил душный тёмный ужас.

Я выпрыгнул наружу. Тёмно-синие силуэты солдат маячили уже в нескольких шагах от крайних палаток². Вскинув винтовки, их цепь бежала по берегу. Голые фигуры туземцев спотыкались под бьющими пулями, падали, ползли прочь, истекая кровью. Мало кто может представить себе, что такое голое тело под хлещущим свинцом. А я видел, как кожа лопалась под ударами выстрелов.

² Примерно в три тридцать пополудни, когда забрезжили первые проблески света, стрелковая цепь направилась к индейским жилищам. Они находились почти в ста ярдах от ближайших палаток, когда полог одной из них откинулся и появился одинокий индеец. Он сел на свою лошадку и неторопливо поехал от лагеря, заехав прямо в ряды притаившихся в траве солдат. Лейтенант Вудраф писал позже: «Он низко склонился, чтобы разглядеть, что это было перед ним в сумраке». Жёлтый Волк сказал, что всадником был Наталекин, подслеповатый старик, слишком дряхлый, чтобы воевать. Мощный ружейный залп свалил его с лошади.

Проткнутые Носы кинулись врассыпную. Дым застлал деревню. Солдаты стреляли почти в упор, колотили раненых прикладами по головам. Некоторые старики не пытались убежать, поднимались во весь рост, притягивая к себе взгляды карателей, вскидывали руки к небу и тут же падали наземь с десятком пуль в груди. Я увидел пригнувшегося Жозефа с маленькой девочкой на руках. И лишь в этот момент я осознал, что для нападавших солдат я был такой же мишенью, как любой индеец. Тогда я тоже припал к земле и на четвереньках поспешил за вождём. Никогда не забуду густой свист пуль над головой. Казалось, что воздух разваливался пластами, распоротый свинцовым градом на тонкие лоскутки. Спрятаться было негде.

Я до сих пор не понимаю, каким образом некоторые индейцы решились двинуться навстречу атакующим в таких условиях. Послышались уверенные голоса вождей. Воины нырнули в кустарник, покрывающий берег, и открыли ответный огонь по фигурам в синих мундирах. Растерянность сменилась решимостью и яростным желанием выжить. Женщины и детвора помогали кто чем мог.

Всякий раз, вспоминая тот бой, я вижу лицо старого индейца с простреленной шеей и раздробленным плечом. Он лежал на боку, зажав между ног карабин, и заряжал его здоровой рукой. Кровь плескала из его ран при малейшем движении, но он не обращал на это внимания. Его лицо оставалось неподвижным, а глаза блестели слезами. Я помню, как две пули ударили его в голову, брызнула кровь, взбился пучок волос.

Жозеф отступил на дальний конец лагеря и направлял женщин с детьми на лошадях подальше от места боя. Неподалёку от меня залегли в сырой яме Жёлтый Волк и Белая Птица. Они тщательно целились. За их спинами появился Зеркало с вооружёнными мужчинами, чуть в стороне притаился Красное Эхо. Солдаты заматались между индейскими жилищами. Они пытались подпалить палатки, но влажные от росы кожные стены не воспламенялись. Выстрелы снайперов вынудили солдат остановить продвижение. Неуклюже перепрыгивая через упавших, они побежали обратно к реке. Несколько Проткнутых Носов на лошадях обогнали их и по руслу реки вклинились в самую гущу солдат. Среди синих фигур началась паника. Белая Птица поднялся в полный рост и повёл за собой воинов, несколько раз поскользнувшись в лужах крови. Мощный залп заставил индейцев снова залечь.

Мне казалось, что бой продолжался вечно. Я никогда не думал, что схватки могут быть столь ожесточёнными³. Был момент, когда Проткнутые Носы вступили в рукопашный бой с солдатами. Из моего укрытия я хорошо видел, как бой превратился в свалку. Некоторое время никто не стрелял, боясь попасть в своих. Белая Птица и Зеркало не переставали что-то громко кричать. Повсюду слышался свист индейских костяных свистков.

Но во всяком сражении случается перелом. Примерно в восемь утра солдаты отошли почти на милю от лагеря, остановившись на лесистом плато. Проткнутые Носы не отставали от них. Даже когда те отрыли штыками неглубокие окопы, индейцы продолжали кружить вокруг них, многие взобрались на прилегавшие к плато холмы и стреляли по солдатам сверху.

Несколько Проткнутых Носов внезапно погнали своих коней куда-то в сторону, в ту же минуту бухнуло два пушечных выстрела. Позже я слышал, как они рассказывали, что убили кого-то из оружейной obsługi и многих ранили. Саму гаубицу индейцы зарыли в землю.

К полудню стрельба стихла, и мужчины возвратились в разгромленный лагерь, неся с собой павших. Женщины уже бродили среди палаток и вдоль реки, отыскивая своих убитых мужей и братьев. Очень скоро поднялся жуткий плач, услышав который я содрогнулся. Ред-

³ Полковник Гиббон, проводивший операцию, писал так: «Индейцам здорово досталось в первую атаку. Многие были застрелены в своих палатках. Сбежавшие дикари, однако, вскоре оправились и, поскольку нашим солдатам негде было укрыться, индейцы сумели обойти нас с флангов и спрятались на берегу в ивняке и на лесистых склонах гор в нашем тылу. Оттуда они открыли свой сокрушающий огонь по нашим людям, которые не знали, куда им скрыться. Были приняты самые различные попытки очистить от дикарей берег. Но едва мы отбивались от тех, кто перед нами, другие тут же объявлялись у нас сзади».

кому человеку приходилось слышать подобное выражение скорби. Воздух наполнился стоном, тоской и печалью.

Стойбище... Трудно представить это заваленное телами пространство. Кровь заполняла ямки, ложбинки, трещины, рисуя тёмно-красными мазками жуткие иероглифы. Я насчитал восемьдесят девять человек убитыми, среди которых лишь тридцать были боеспособными воинами, остальные – женщины, старики и детвора с расколотыми черепами. Потери для индейцев были катастрофическими. Среди павших в бою оказались Красное Эхо, Пять Ран, Радуга, Бобровый Хвост – воины, смерть которых заметно сказалась на боевом духе индейцев.

Погибших положили в небольших расщелинах под крутыми речными берегами и обвалили на них нависающие глыбы рыхлой земли. Покончив с погребением, Жозеф велел людям немедленно покинуть уничтоженную деревню.

Я скакал возле Жозефа и хорошо видел его лицо. Оно было воплощением скорби. Никто не ожидал такой жестокости от солдат. Жизнь прикоснулась к Проткнутым Носам шершавой щекой несправедливости. Мне хотелось поговорить с вождём, сказать какие-то важные слова, но я не знал таких слов. Я ничего не знал о той стороне жизни, с которой мне теперь пришлось столкнуться. Я оглядывался и видел уложенных на волокушах маленьких окровавленных детей, кричащих от боли, и заплаканных матерей с младенцами на руках. Я не был вправе говорить что-либо этим людям. Я принадлежал к расе тех, кто только что колот их штыками.

Во мне во весь голос закричала страшная мысль, что ужас страдания есть единственная истина. Возможно, другие ощущения тоже весомы и даже помогают временами забыть истину, но только из страдания вылепливается подлинный мир. Это единственная реальность, которую никто не в силах обойти стороной. Я кожей почувствовал, что мучения скрывались за фасадом абсолютно всех форм и событий. И я испугался так, как не пугался никогда прежде.

На следующее утро нас настиг Оллокот с отрядом в тридцать человек. Они отстали от основной группы, чтобы не дать солдатам расслабиться. Отряд состоял из тридцати человек. Расположившись в недостижимости ружейных выстрелов, они устроили в рощице небольшой лагерь и следили за солдатами. Изредка они вскакивали на лошадей и приближались к траншеям, давая по синим мундирам залп-другой. К ночи Оллокот пришёл к решению, что в продолжении боя не было нужды – солдаты уже не представляли угрозы. Но на рассвете Оллокот увидел приближающегося всадника, который что-то кричал солдатам. Индейцы решили, что его появление связано со скорым появлением подкрепления, и они не ошиблись.

Ко мне подъехал Лопнувшая Тетива.

– Передай вождю, что я очень сожалею о случившемся, – сказал я ему. – Моё присутствие оказалось бесполезным. Я надеялся, что могу говорить за вас, но с вами не хотят разговаривать. Воевать я не умею.

– Ты хочешь уйти?

– Нет, мне некуда идти. – Мои мысли были похожи на мутную воду, где ничего не различить, поэтому не могу похвастать, что принял такое решение осознанно и проявил мужество перед лицом опасности. Вполне возможно, что я хотел ответить иначе, но сам не понял моих слов.

Племя спешно шло дальше, углубляясь в неведомый мне край. Но я не испытывал страха перед грядущим. Я словно покинул самого себя, я находился где-то в другом месте, а моя внешняя форма – голова, руки, ноги – болтались верхом на утомлённом коне. Иногда мне вспоминался дом и мои несчастные родители. Впрочем, такие ли они несчастные? Оглядывая исподлобья окружавших меня дикарей со следами крови на измученных лицах, я так не думал. Не так уж сложно – находиться в уютном домике и волноваться за сына, успокаивая себя рюмочкой коньяка.

День изо дня меня посещали новые мысли, корнями уходившие в новые ощущения. Кто знает, думал я, может быть, мне суждено было отправиться в этот поход, чтобы пропустить

себя через неведомые мне доселе испытания кровью и голодом. Возможно, в этом скрывалась расплата за спокойное, не знающее тягот существование. Не знаю. Всё может быть. Человек редко умеет объяснить истинную причину своих поступков.

Временами я вздрагивал, упираясь подбородком в грудь, потому что не привык чувствовать на лице бороду, из-за отсутствия бритвенных принадлежностей становившуюся гуще с каждым днём. Из цивилизованного гражданина я превращался в страшного бродягу.

Девятнадцатого августа Жозеф велел остановиться. Основная часть палаток погибла во время боя в долине Большой Дыры, и многие индейцы складывали небольшие вигвамы из еловых ветвей, а то и вовсе не беспокоились о жилье и спали на земле возле костров.

В тот день Оллокот, как всегда энергичный и решительный, переговорив с братом, умчался куда-то с небольшим отрядом. Под утро он пригнал около двухсот мулов с тюками, где был упакован провиант и кое-какая одежда. Вещи быстро распределили между женщинами. Но ближе к полудню дозорные подали сигнал, что появилась погоня. Индейцы без промедления разделились на несколько групп. Несколько человек продолжали гнать табун, а остальные выстроились в небольшую цепь и открыли огонь по солдатам. Луговина в этом месте была весьма узкой, и нагромождение лавовых складок обеспечило Проткнутым Носам прекрасное укрытие. Я успел разглядеть, как преследователи остановились, спрыгнули с коней и поспешили занять позицию для ведения огня. Тут Оллокот потребовал, чтобы я покинул место боя и присоединился к уходящему племени.

Вскоре солдаты отступили.

Въехав на холм, я увидел причудливую местность, наполненную множеством возвышенностей, совершенно похожих одна на другую. Между ними змеилась длинная вереница Проткнутых Носов. Никто не ликовал после этого маленького успеха. Смерть продолжала висеть на хвосте. Солдаты не могли отстать надолго.

Индейцы ежедневно высылали разведчиков для обследования пути. Как-то, вернувшись из дозора, ко мне подскакали Лопнувшая Тетива и Оллокот.

– Мы следили за лагерем солдат. Там были известные тебе люди, – перевёл Тетива, когда Оллокот что-то сказал мне.

– Кто? Я никого не знаю в этих краях. – Я пожал плечами.

– Это не здешние люди. Они не носят синюю форму. Это те, кого мы поймали, когда они хотели украсть наших лошадей. Помнишь?

Помнил ли я? Как мог я забыть Юджина Сэмтона? Выходит, он не успокоился. Господь желал, чтобы мы повстречались ещё раз. Такое свидание меня не радовало. Что сулит человеку встреча с врагом, в сердце коего нет ничего, кроме ненависти, очищенной от примеси любых других чувств?

Дни шли за днями. Всё чаще я стал примечать, что многие юноши племени взвинчивали себя жаркими спорами, настраивались на воинственный лад. Некоторые регулярно уезжали в поисках добычи. Они уже не были похожи на тех улыбчивых индейцев, которых я повстречал в окрестностях Стивенсвиля. Они желали убивать. И врагами их были люди с белой кожей. Я чувствовал, как моё положение становилось весьма уязвимым. Пару раз воины напали на фермы и превратили их в груды пепла. Старые вожди выступали против подобных набегов, но запретить они ничего не могли. Ни один вождь не в силах запретить мужчине поступать так, как тот считал нужным. Жозеф и Белая Птица не переставали взывать к благоразумию, убеждали сдерживать горячие чувства, ибо они не доведут до добра.

На одном ранчо, откуда хозяева поспешно бежали, узнав о приближении индейцев, мне удалось вооружиться. Я увидел на стене карабин и, как ни стыдно мне вспоминать об этом, прихватил его с собой, прежде чем его заметили дикари. Я был почти уверен, что оружие мне лично не понадобится, но с винтовкой в руках я почувствовал себя гораздо спокойнее. С того момента я превратился в заправского разбойника. Внешний вид мой, думается мне, мог бы

многих испугать, повстречайся я кому-нибудь на дороге. От Лэсли Гранта, которым я недавно был, не осталось и следа, кроме двух характерных родинок над левым глазом. Голос мой тоже изменился из-за простуды.

В то время мы находились на территории национального парка в бассейне реки Жёлтый Камень. Парк считался абсолютно мирной и безопасной зоной, куда постоянно выезжали туристы, чтобы полюбоваться красотой природы. Никто из них и не подозревал, что мог попасть под руку свирепым разбойникам в боевой раскраске.

История с группой Коуана поразила меня своей стремительностью и бессмысленной жестокостью одновременно.

Индейцы привели мистера Коуана, его жену и ещё нескольких путешественников на стоянку Проткнутых Носов и бросили перед вождями. Увидев лица белых пленников, я вспомнил себя и Джулиану. Но этим туристам не повезло с пикником – индейцы вовсе не казались миролюбивыми. Они с криками разъезжали по лагерю, размахивая ружьями и луками. Длинные волосы и потрёпанные костюмы усугубляли жуткое впечатление. Мне подумалось, что смерти белым людям уже не избежать. Но вожди вели себя спокойно.

Затем к пленникам подошёл индеец по кличке Покер-Джо и передал им решение стариков:

– Солдаты убили много наших женщин возле Большой Дыры, и на сердце людей скопилось много дурных чувств. Немало воинов хотели бы уничтожить вас. Но вождь Зеркало и некоторые другие говорят, что знают миссис Коуан и её сестру. Мы решили не причинять вам вреда. Вы можете уехать. Мы дадим вам уставших лошадей, чтобы вы не могли быстро добраться до солдат и сообщить, где мы. Мы отпускаем вас, но вы не шпионьте за нами. Передайте всем в Монтане, что мы пришли сюда не за войной.

Пленники суетливо закивали головами и поспешили распрощаться с дикарями. Глядя на них, я ощущал неясную тревогу и отправился с группой Проткнутых Носов, которые решили проследить, уедут ли отпущенные Бледнолицые, как им велели. Примерно через полчаса мы увидели, как двое из путешественников спрыгнули с лошадей и отправились в лесную чащу. Я не знаю и никогда не узнаю, куда скрылись те двое, может быть, пошли по нужде. Но мои краснокожие спутники мгновенно пришли в ярость и с криками бросились к несчастным туристам. Коуан тарашил глаза и размахивал руками, показывая, что не понимал, что именно привело дикарей в бешенство. Внезапно кто-то из индейцев выстрелил в Коуана, и тот рухнул на землю, вцепившись в бедро. Из-под его пальцев выступила кровь. Миссис Коуан спрыгнула с лошади и кинулась к раненому мужу, но дикари схватили её за руки и отволокли в сторону. Следующий выстрел поразил Коуана в голову.

– Что вы делаете! – Я не узнал собственного голоса.

В ту же секунду дал волю чувствам другой индеец и тоже нажал на спусковой крючок. Пуля ударила в лицо второго белого, но он не упал, а прыгнул в кусты. Мне казалось, что я видел страшный сон.

Лопнувшая Тетива подлетел к стрелявшим соплеменникам и закричал на них, бурно жестикулируя. Они ответили ему резкими репликами. Пока шла перебранка, успели скрыться трое белых. Я сидел, совершенно ошеломлённый случившимся, и не мог пошевелиться. Из-за кустов вылетел галопом Покер-Джо. Из него потоком лились непонятные мне слова.

Внезапно наступила тишина. Белые женщины лежали на земле, готовые лишиться чувств. Они действительно были белыми, совершенно белыми, кровь отхлынула от их прекрасных лиц. Теперь они обе и брат миссис Коуан вновь сделали пленниками.

Ночь они провели возле костра вождя Жозефа.

Я пришёл в палатку вождя вместе с Лопнувшей Тетивой в надежде успокоить и подбодрить бедняг. Их состояние было совершенно подавленным. Я сразу понял, что ничем не смогу успокоить их. Говорить им о доброжелательности индейцев после только что совершённого

убийства было бы просто нелепостью. Не знаю, за кого они приняли меня, но вряд ли я внушал им доверие. И я молча сидел возле бедняг, сопереживая им. Жозеф сидел перед огнем в полном молчании. Он выглядел хмурым и печальным, возможно, размышляя о дальнейшей судьбе своего народа, об окончании всей кампании. Может быть, он разглядел в облике трёх испуганных пленников какой-то знак. Не знаю. Атмосфера была тяжёлой. Каждый звук приводил нервы в ужасное напряжение.

– Послушайте, – заговорил я вдруг, – у вас большое горе. Я понимаю ваши чувства... Погиб ваш муж... Но у этих индейцев погибло гораздо больше близких... Я, конечно, не имею права читать вам нотации, но всё-таки... Я ничего не знал прежде о такой жизни. Раньше вся моя жизнь была отдана лёгкости, если не наслаждению. Я не ведал страдания и забот. Они не принадлежали моему миру. Я слышал о них лишь по чьим-то книжным словам. Но теперь я столкнулся с ними лицом к лицу, я поселился в самой их гуще, хотя никто не принуждал меня к тому. Я уверен, что никогда не забуду того, что увидел среди этих загнанных индейцев. И я знаю, что мои невзгоды сейчас всё равно не сравнятся с их бедами. Что случилось, того уж не изменить. Сожалеть о своих испытаниях – значит лишить себя настоящего развития. Это всё равно что отречься от собственной души. Теперь я знаю это наверняка...

На следующий день мы добрались до Грязевого Вулкана, и там индейцы отпустили пленников. Обеих женщин посадили на лошадей, а мужчине велели идти пешком. Покер-Джо указал им дорогу вниз по реке и попросил двигаться поживее. Они пустились прочь настолько быстро, насколько быстро могли идти измученные индейские пони.

Глядя им вслед, я почувствовал острое желание отправиться за ними. Моя короткая ночная речь и породившие её чувства развеялись без следа, будто их не было. Мне сделалось страшно. Мрачная действительность заполнила пространство, полностью вытеснив благородные мысли и порывы, полные глубокого смысла. Для чего я ехал с Проткнутыми Носами? Что удерживало меня среди усталых и обозлённых людей? Я понимал, что рано или поздно армия возьмёт туземцев в клещи, и настанет конец. Что ожидало меня впереди? Голодная смерть, гибель от пуль солдат или от руки обезумевших дикарей?

Как-то на ночлеге возле меня присел Лопнувшая Тетива.

– Мы не можем скрыться от солдат, – сказал он. – Нас никто не хочет видеть. Все боятся. Вождь Зеркало посетил Воронье Племя и просил, чтобы они разрешили нам некоторое время пожить на их земле. Они отказали ему. Сказали, что мы воюем с белыми людьми, с которым они ведут крепкую дружбу. Они не хотят, чтобы война пришла и к ним. Мне обидно слышать это, потому что мы всегда помогали им. Но я не могу винить их. Никто не волен никого принуждать. Теперь мы остались одни. У нас нигде нет друзей. Почему всё так устроено, друг?

Что я мог ответить ему? Собственно, он ничего не спрашивал, он просто общался с окружающим воздухом, с низко плывущим рыхлым небом, с глазами сидящего рядом человека, с пламенем костра.

– Разве не все мы созданы одним Богом? Разве не равны мы между собой? – продолжал Лопнувшая Тетива. – Можно ли ожидать, что люди, рождённые свободными, будут довольны, когда их начнут понукать, заставят сидеть на одном месте? Я не понимаю белокожих начальников. Сами они ходят, куда и когда им вздумается. Почему же мы обязаны сидеть на клочке земли, который они называют резервацией?

Я вновь промолчал. Мне вдруг подумалось, что людям моей расы вообще следовало почаще молчать. Мы слишком хорошо умели вести разговоры, мы околдованы речами, построенными на хитрых логических связках, на ложных точках отсчёта, на зыбких понятиях морали. Мы без конца рассуждаем, но наши слова лежат в стороне от наших дел.

Однажды я услышал, как Жозеф, глядя на мёртвого юношу, говорил, что слова белых людей, пусть самые ласковые и дружелюбные, не заменят убитых людей, не заплатят за ото-

бранную землю, не защитят могил предков, не вернут здоровья и не охранят от смерти. Он устал от бесплодных разговоров. Зачем нужны слова, если они не воплощаются в дела?

– Белые любят говорить, любят обещать. Моё сердце сжимается при воспоминаниях о нарушенных обещаниях. – Вождь опустил голову.

Я вновь посмотрел на себя со стороны. Для чего я ехал с индейцами? Я не помогал им ничем, поэтому не мог обманывать себя мыслью, что я полезен этим изгоям. Может быть, во мне скрывалось тайное желание предстать перед цивилизованными людьми в моём нынешнем неухоженном виде, вооружённым, испытавшим на собственной шкуре все тяготы кочевой жизни, прошедшим сквозь неутрачиваемые страхи войны? Я не знал этого тогда, не знаю и сейчас. Став однажды очевидцем жестокой бойни, но не пролив ни капли собственной крови, я впитал в себя ужас ожидания, но по-настоящему ещё не осознал, что такое смерть. Теоретически я понимал, почему воевали Проткнутые Носы, но теория зачастую лежит так далеко от практики. Я оставался наблюдателем. Я был среди них и со стороны казался одним из них, но я был другим. Глубоко в моём подсознании укоренилась мысль, что я в любой момент мог повернуть коня и навсегда оставить мятежное племя. По всей видимости, эта не высказанная вслух причина позволяла мне ощущать себя относительно легко. Индейцы не угрожали мне, и солдаты не тронули бы меня, появись я перед ними с поднятыми руками. Назвавшись пленником, я бы без промедления получил от солдат еду и тёплую одежду, перестав страдать от холода и голода. Да, теперь я понимаю, что я всегда держал такой вариант в укромном уголке моего мозга. Пленников у индейцев было достаточно, их регулярно захватывали в лесу и приводили в стойбище. Белых людей держали в течение нескольких дней, затем отпускали. Иногда пленники сами убегали.

Вожди всячески старались поддерживать дисциплину в рядах и охлаждать слишком воинственно настроенных воинов, но контролировать раздражённых индейцев удавалось далеко не всегда. Пока основная масса Проткнутых Носов продвигалась в намеченном направлении, некоторые из молодых людей отклонялись круто в сторону.

В конце августа индейцы без всякой причины совершили нападение на группу туристов человек в десять. Путешественники издали заметили приближение всадников и спешно организовали лагерь на случай обороны. Проткнутые Носы атаковали их на следующий день, кого-то убили, кого-то пощадили. Я мало что понял из их рассказа, да и Лопнувшая Тетива не особенно переводил мне их хвастливый рассказ, считая, вероятно, что подробности мне не доставят никакого удовольствия.

Через несколько дней группа молодых Проткнутых Носов столкнулась с путешественниками неподалёку от водопадов на реке Гарднер, затем сожгла какую-то ферму.

Все эти страшные нападения вызвали большое волнение в штате Монтана. Через пару месяцев я полистал подшивку газет и обнаружил, что они день изо дня публиковали жуткие истории о приключениях незадачливых туристов. Встречались статьи, где число погибших белых людей было преувеличено раза в три. Я хорошо представляю состояние мирных жителей, читающих страшные повествования.

В начале сентября наступило резкое похолодание. Люди пришли в изнеможение от бесконечного ветра и дождя. Авторитет боевых вождей заметно упал. Мне казалось, что один Жозеф, вечно размышляющий о чём-то и успокаивающий других, пользовался не меньшим уважением, чем в былые дни. Он оставался непоколебимой скалой, на которую опиралось племя. Он был чуток и мягок, он успевал появиться повсюду, никогда не повышал голос, ничего не требовал, а лишь советовал. Он высказывал своё самое сокровенное, и потому его слова трогали людей.

Как-то раз отряд Проткнутых Носов, охранявший колонну сзади, различил в мутном влажном воздухе множество всадников. По очертаниям было понятно, что это индейцы. Подпустив незнакомцев поближе, Проткнутые Носы увидели перед собой Банноков. Эти абори-

гены некогда находились в тесных дружеских отношениях с Проткнутыми Носами, но теперь вызвались помочь армии. Они издали клич, вскинули винтовки, и по долине рассыпался треск выстрелов.

– Стойте! – закричал им Лопнувшая Тетива. – Мы не хотим драться с вами! Давайте поговорим и покурим вместе! Или уезжайте прочь! Что мы вам сделали? Мы не причинили вам никакого зла! Мы всегда оставались верными нашей дружбе, а вы подняли оружие против нас! Поворачивайте обратно!

К моему величайшему удивлению, преследователи потоптались недолго на месте и исчезли в тумане, прекратив стрельбу. Я так и не сумел понять, что заставляло дикарей браться иногда за оружие, вступать в схватку и вдруг уходить с поля боя, когда ничто особенно им не угрожало.

Вскоре Жозеф прознал, что к солдатам присоединились скауты из племени Ворон, и возмущению его не было предела.

– Я не понимаю, как Вороны могли решиться встать на сторону солдат! – переводил мне Лопнувшая Тетива слова вождя. – Они пошли драться против своих лучших друзей! Некоторые из наших людей помогали Воронам сражаться против Сю всего несколько зим назад. Теперь они открыто предают нас! Моё сердце скорбит. Мои уши не желают больше слышать о Воронах...

Убедившись, что Вороны оказались ненадёжными союзниками, вожди приняли решение немедленно покинуть их территорию.

Колонна упорно двигалась дальше, невзирая на все препятствия. Подступив к горной гряде Абсарока, мы узнали, что на нашем пути появились новые солдаты. Гряда Абсарока представляла собой гранитный барьер с тридцатью скалистыми вершинами, вздымавшимися на десять тысяч футов. Где-то на этих уступах стояли люди в военной форме, поджидая нашу колонну. Позади, словно голодные волки, заседали кавалеристы генерала Ховарда.

Вожди провели неторопливое совещание, разработали какой-то хитрый манёвр и сумели обманным движением увлечь солдат со своего пути в сторону, уйдя тем временем по узкому ущелью. Если бы я не находился среди Проткнутых Носов, то никогда бы не поверил, что такая масса всадников сможет ускользнуть. Каньон был похож на трещину, стены которой сходились так близко друг к другу, что две лошади с трудом могли протиснуться туда одновременно. Переход был труден, но мы все ушли.

Опять на пути встречались ранчо, и мои дикие спутники безжалостно уничтожали их. Всё чаще встретившимся белым людям приходилось вступать в бой и оставаться лежать на сырой земле. Всё суровее становились Проткнутые Носы.

Возле Каньонова Ручья нас настигли кавалеристы, но Проткнутые Носы не прекратили движения. Женщины с детьми и старики продолжали скакать вдоль русла между крутыми берегами, а часть мужчин под предводительством Зеркала образовала арьергард и открыла огонь по приближавшимся синим всадникам. Наступающие кавалеристы спешили и вынуждены были пробираться вперед на полусогнутых ногах. Индейские всадники носились по устью каньона туда-сюда, будто разбросанные горошинки. Некоторые укрылись за камнями и вели неторопливый прицельный огонь.

Находясь в задних рядах отступающих, я получил прекрасную возможность увидеть, как солдаты легко сбились в кучу и спешили. Насколько я могу судить о тактических приёмах, кавалеристам нечего ввязываться в пешую атаку. Это было явной ошибкой. Очень скоро на месте боя осталось лишь два или три индейца, догнавших нас позже, но эта жалкая горстка снайперов удерживала солдат до наступления вечера⁴.

⁴ Прибывший на место сражения генерал Ховард вспоминал: «Место было ужасным – полынь, грязь и узенький ручёк с мутной водой, и этой воды было так мало! Мёртвые лошади валялись повсюду вместе с другими свидетельствами сражения.

День ото дня близ лагеря появлялись индейцы-Вороны, и всякий раз из табуна Проткнутых Носов исчезали лошади. Белая Птица и Зеркало яростно ругались, но не решались ввязываться в драку с недавними друзьями, хорошо зная их боевую выучку. Одного из Ворон удалось захватить, и Проткнутые Носы подвергли его нещадному избиванию плётками. Они не убили его, нет. Они лишь зло посмеялись над пленником и отпустили. Бедняга еле ковылял на раскоряченных ногах, брёл без оглядки, униженный, окровавленный.

Я испытал сильную обиду, глядя на побитого дикаря. Волна жалости захлестнула меня, я даже решил забрать одного коня из табуна и догнать хромающего индейца, чтобы вручить ему лошадь. Но, отправившись за ним, я встретил совершенно другого человека.

Из еловых зарослей на склоне холма ко мне выехал Юджин Сэмтон. Он сидел в седле и смотрел на меня, не подозревая, что бородатый всадник перед ним – Лэсли Грант. Сам он был привычно выбрит и одет весьма опрятно, несмотря на походный образ жизни.

– Приветствую вас, сэр! – крикнул он мне, спускаясь медленным шагом по склону. – Вы здешний траппер? Чёрт меня подери, если я не заплутался в этих горах. Я присоединился к гражданскому ополчению и участвую в погоне за мятежными краснокожими. Слышали про таких? То-то...

Я таращился на него и ощупывал ремень, на котором висел карабин за моей спиной. Весь мой надуманный героизм как ветром сдуло, пока я наблюдал за Сэмтоном. Он был ещё достаточно далеко от меня, но я уже чувствовал, что страх начал сковывать меня. Я вспомнил кулак Юджина, кислый привкус во рту после удара, безумные глаза моего недруга. У меня в горле что-то задёргалось.

– Не опасайтесь меня, сэр! – крикнул он, видя, что я взял в руки карабин. – Я еду вместе с отрядом волонтёров, но слишком вырвался вперёд. Нетерпение, знаете ли... страсть охотника... Здесь где-то совсем близко прошли краснокожие, наши скауты обнаружили их следы.

Он подъезжал всё ближе и ближе, и я чувствовал, как руки мои начали подрагивать. Мне, конечно, следовало выстрелить в тот момент, не выжидая, но я медлил. Я боялся. Я не умел убивать. Не та у меня закваска.

– Что скажете, мистер? – Юджин находился совсем близко. Я различал тиснение на широком кожаном ремне вокруг его талии, где был прилажен крупный «кольт». Вот уже видны стали брызги на его щеке.

И тут он остановился. Ствол моего карабина смотрел ему в грудь.

Он меня узнал. Ненавистное лицо узнаётся даже в гриме, а на мне было лишь одно непривычное украшение – борода. Зато две родинки над левым глазом, которые Юджин высмеял однажды, посещая Тэйлоров, и назвал женским украшением, сразу бросились ему в глаза. Юджин побледнел, внезапно поняв, кто держал его на мушке. В другой ситуации он нашпиговал бы меня свинцом без колебаний, но в данном случае жерло ствола, направленное на третью сверху пуговицу его кожаной куртки, оказалось сильнее его вспыльчивости.

– Я всё равно разделаюсь с тобой, Лэсли Грант. Если ты не хочешь, чтобы я перегрыз однажды твою глотку зубами, пристрели меня сейчас же, – прошептал он побелевшими губами. – Я отыщу тебя, и наша следующая встреча станет похожа на ад. Ты проклянёшь свою слабость тысячу раз, прежде чем подохнешь...

– Поезжай обратно, – ответил я и удивился твёрдости моего голоса.

Он помедлил, испепеляя меня взглядом сквозь сузившиеся щелочки хищных глаз, и повернул коня. Жеребец с неохотой начал карабкаться вверх, осыпая каменя.

Несколько раненых и убитых тоже находились там. В дополнение ко всему над землёй дико метался пронзительный ледяной ветер, от которого негде было укрыться. Если что-то может заставить человека ненавидеть войну, то представшее предо мной зрелище относилось к этой категории».

Я уже ругал себя за мягкотелость, нерешительность, но момент был упущен. Я не выстрелил сразу и подавно не мог нажать на спусковой крючок теперь, когда Юджин ехал спиной ко мне.

Я повернул лошадь и поскакал в сторону индейской деревни, моля Бога, чтобы Сэмтон не обернулся и не увидел моего позорного бегства. Из-за шума падающих камней он не сразу заметил, что я пустился наутёк. Зато я легко могу представить его гримасу, когда он оглянулся.

Вскоре возле моего уха прожужжала пуля. Мне даже почудилось, что она обожгла меня. Я не стал рассуждать по этому поводу и растрачиваться на гневные взгляды, а пустил лошадь во весь опор. Юджину предстояло сперва спуститься по крутому склону, и это давало мне значительное преимущество в скачке, я мог порядочно удалиться от этого безумца. Ещё пара пуль ударились в землю слева от меня.

Спустя несколько мгновений на опушке, вылетев из-за мокрых деревьев, появился всадник, в котором я не сразу узнал Лопнувшую Тетиву, и помчался мне навстречу. Он стремительно приблизился ко мне, осадил мустанга, поднял руку и велел мне остановиться. Он ловко подхватил свою дорожную сумку, сунул в неё руку и протянул мне горсть патронов. В первую секунду я не понял его, но затем меня осенило. Индеец не мог поверить, что я струсил и бежал от врага. Он был уверен, что у меня по какой-то причине не было боеприпасов. Он считал меня верным другом Проткнутых Носов, поскольку я добровольно присоединился к ним в самые тяжёлые дни. Он видел во мне одного из соплеменников и бросился на выручку.

Увидев рядом настоящего бойца, я немного приободрился, взял протянутые мне патроны и сделал вид, что заряжаю карабин. Лопнувшая Тетива тем временем спокойно поднял ружьё к плечу и прицелился. Проткнутые Носы, как я успел заметить за время жизни с ними, стреляли наверняка.

Грянул выстрел. Юджин откинулся в седле, но не упал. Винтовка выскользнула из его рук на землю, я видел поднявшиеся в луже брызги от удара приклада. Юджин придержал коня, качнулся, вцепившись одной рукой в нижнюю часть груди, и тяжело сполз на землю, чтобы подобрать оружие. Внимательно наблюдая за ним, Лопнувшая Тетива ударил мустанга пятками и поскакал к врагу. Юджин медленно нагнулся, притянул винтовку, решительно повернулся в нашу сторону и прицелился, стоя на одном колене. Лопнувшая Тетива издал гортанный выкрик, вскинул над косматой головой руку с ружьём и заплясал на месте. Послышался хлопок, над Сэмтоном распустилось пороховое облако, гроыхнуло ещё раз, и мой индейский друг дёрнул головой. Он на мгновение остановил коня, прильнул к его шее, будто охваченный порывом нежности, и тут же направил его на Сэмтона.

Я сделал усилие над невидимым властителем внутри меня и поднял карабин к плечу. Мушка совместилась с неподвижной фигурой Юджина, который стоял уже на двух коленях и опирался всем корпусом на винтовку. Я рванул спусковой крючок. Юджин плавно откинулся на спину, вывернув ноги, и тело его приобрело до отвращения нелепый вид.

Лопнувшая Тетива подскочил ко мне, втянув голову в плечи. По его лицу бежала кровь. Похоже, пуля пробила голову над глазом. Он остановился и едва слышно обратился ко мне.

– Отвези меня к моим людям, брат.

Я протянул руку, но не успел удержать его. Он рухнул вниз.

В деревню я вернулся мрачнее тучи. Передав индейцам на руки тело Лопнувшей Тетивы, я протолкнулся между ними и сел на корточки. На меня напало равнодушие. Действительность застлало ватной серостью.

Последующие дни проплыли, окутанные каким-то душным безмолвием. В памяти почти не отпечаталась переправа через Миссури, где Проткнутые Носы напали и разграбили военный склад на Коровьем Острове. Смутно припоминаю атаку на какой-то обоз, горящие фургоны, падающих солдат...

К реальности я вернулся на берегу Змеиног Ручья. Было пронзительно холодное тёмное утро. Воздух сотрясался от грохота копыт. Отовсюду на нашу деревню неслись потоки кавалеристов. Звуки выстрелов тонули в конском топоте.

Я почувствовал оглушительный стук сердца и жар во всём теле. Руки сами собой схватились за карабин. Вертя головой, я побежал к залёгшим индейцам. Когда до линии обороны оставалось не более сотни ярдов, воины открыли огонь. Кавалеристы смешались, повалились на землю, многие потеряли лошадей и притаились за камнями. Наездники вываливались из сёдел, как переспелые плоды с сотрясаемых ветвей. Мне показалось, что наш огонь поразила добрую треть наступавших солдат. Заметьте – я говорю «наш огонь», потому что я тоже стрелял. Во мне всё клокотало, глаза застилал кровавый туман, как если бы мои мозги текли из моего лба на лицо. Я нажимал на спусковой крючок с яростью, ранее мне не известной. Я кричал во всё горло, не произнося никаких слов. Я превратился в сгусток невыразимых чувств. И я знал, что не мог не стрелять.

С точки зрения закона я стал настоящим преступником, подняв оружие на правительственные войска. Но мне было не до рассуждений. Я включился в войну, в эту нелепую по своей природе игру ожесточённых душ, и ничто не могло меня сдержать.

Индейцы терпеливо ждали, когда солдаты двинутся вперёд, и вскоре кавалеристы, обнадёжившись молчанием в наших рядах, поднялись на ноги и побежали к нам, низко пригнувшись. Встретивший их огонь был таким шквальным, что наступающие сразу отхлынули. Очередная атака была смята. Несколько раз синие фигуры поднимались и пытались продвинуться вперёд, но Проткнутые Носы вели столь точный прицельный огонь, что наступление в пешем строю оказалось просто погибельным. Солдаты отползли назад.

По земле струился ледяной ветер с прожилками первого снега, слишком раннего и чересчур злого. Последний день сентября напоминал настоящую зиму и вгрызался в кожу лица и рук ядовитыми иголками. Время шло. В прояснившемся воздухе фигурки синих солдат стали видны отчётливее. Они охватывали кольцом всю деревню.

Проткнутые Носы, хоть и сумели встретить солдат, всё же были растеряны. Многим не удалось поймать своих лошадей в суете. Теперь индейцы поднялись и побежали к табуну. Оглянувшись, я увидел новую колонну кавалеристов, заходивших к нам сзади, чтобы отрезать нашу группу от основного лагеря. Все побежали. Возникла суматоха. Некоторые повскакивали на лошадей. Табун забурлил, двинувшись в сторону деревни.

Я ничего не мог понять. Откуда-то сбоку возник Жозеф. Он вертел головой, раскинув руки, в которых не было ни ружья, ни ножа, и, похоже, не знал, что предпринять. Отовсюду загрели выстрелы. Жозеф бросился прямо на солдат. Я мчался следом за ним. Не знаю, каким чудом нам удалось добежать до палаток, прорвавшись сквозь синие ряды. Мне казалось, что весь мир летел кувырком. Я выпустил две последние пули и больше не стрелял.

Я увидел, как Жозеф что-то закричал дочери и стоявшим возле неё юношам. Они немедленно прыгнули на коней и помчались прочь. В дальнем конце нашего лагеря тёмной струйкой тянулась куда-то целая вереница Проткнутых Носов. Решив, что это был манёвр, я тоже залез на лошадь и последовал за ними. Стрельба не прекращалась.

Солдаты подступили вплотную и кое-где уже забежали в деревню, прячась в индейских жилищах. Я проскакал мимо них и вырвался за пределы стойбища, но от верховых индейцев отстал.

Въехав на косогор, я остановился и понял, что я один. Я подумал, что нужно было возвращаться, и окинул взглядом деревню. Театр смерти и отчаяния развернул передо мной своё буйное полотно. Грели выстрелы. Над рекой тянулся густой пороховой дым. На окраине деревни различались между палатками пешие фигурки, сгрудившиеся в рукопашной схватке. Я вдруг ясно понял, что на этот раз положение племени было безвыходным. Армия обложила

деревню плотным кольцом. Почти весь табун остался вне досягаемости индейцев, а без лошадей ни о каком бегстве думать не приходилось.

К ночи стихло. Издали можно было различить, как индейцы рыли руками небольшие траншеи. Костров в деревне горело два-три, не больше⁵.

Меня начала бить дрожь. Не могу объяснить, каким образом мне удалось продержаться до утра без огня. Голод не сильно терзал меня, потому что я привык мало есть в последние дни. Но холод истязал.

Утром начался отвратительный дождь, в считанные минуты превративший меня в жалкую мокрую куклу с бесполезным карабином в руках.

Чувствуя себя отрезанным от мира людей, я, превращённый в бородатого грязного пса, не выдержал и поехал вперёд, решив довериться судьбе. Меня могли застрелить с любой стороны, могли взять в плен, могли сделать всё, что угодно. Солдаты, их индейские скауты и сами Проткнутые Носы могли угостить меня свинцом, не справляясь о моём желании. Всё теперь зависело от случая, удачного или несчастного. Впрочем, каким мог быть счастливый исход в моём случае, я не представлял.

Случай не заставил долго ждать. Он явился в образе трёх длинноволосых всадников в синих мундирах. Из-под полей мокрых шляп на плечи ниспадали косы с вплетёнными в них бусами. Индейцы не были Проткнутыми Носами. Они что-то сказали мне, вырвали из моих рук карабин, взяли под уздцы мою клячу и повели за собой рысью.

Вскоре я был в лагере солдат.

Я назвался и не стал скрывать, что прошёл с Жозефом от Стивенсвиля до Змеиного Ручья. Мне было совершенно безразлично в тот момент, расстреляют меня или просто высекут ремнём, как провинившегося ребёнка. Я смертельно устал и желал только одного – уснуть и забыть обо всём. Полковник Майлс и другие окружавшие меня офицеры взирали на меня с жалостью. Очевидно, мой облик и моё душевное состояние не позволяли им увидеть во мне предателя. Я был просто жалок, не более. И я был белым. Вероятно, они решили, что дикари держали меня заложником во время своего похода. Впрочем, не знаю...

В тот же день я провалился в черноту. Выстрелы и топот копыт я различал смутно, затем мой слух отключился совсем. Передо мной клубились в дыму глазастые морды людей с козлиными бородками и птичьим пухом вместо волос на голове. Эти физиономии разбухали и превращались в скалистые кряжи, с которых лавиной сыпались срубленные кем-то деревья. Брёвна разбивались об острые камни внизу и становились чёрным порошком золы над обгорелыми палатками, а вокруг них корчились в грязи и крови маленькие голые человечки...

Когда я пришёл в себя, я лежал в крытом фургоне. Он гремел и сотрясался, бросая меня с боку на бок. Надо мной в брезентовом покрытии различалось несколько рваных дырок и маслянистых пятен. Задрав голову, я увидел спину возницы и военную шляпу на его голове. На его плечах покоилось расшитое индейское одеяло.

На одной из стоянок я узнал, что Жозеф после нескольких дней переговоров сложил оружие. Его сердце не могло больше выносить вида страдавших людей. Слишком много слёз было в глазах женщин и детей, слишком много мужей и отцов потеряли они за сто восемь дней великого перехода. Обговорив условия капитуляции, Жозеф получил от Майлса заверения,

⁵ Вот что рассказывал Жёлтый Волк о начале очередного сражения: «Наступило утро, и бой возобновился. Пули жужжали повсюду. Большая пушка била по нам снарядами. Из траншей наши воины отвечали выстрелом на каждый выстрел. Погода окончательно испортилась, ледяной ветер был полон густого снега. Воздух пропитался пороховым дымом, сквозь который не прекращали бегать сполохи выстрелов. Солнце продолжало подниматься за тучами, но ярость сражения не стихала. С едой у нас было туго, да и костры не из чего уже было разводить. Сухой помёт мы сожгли в первую ночь, а хворост собирать вдоль берега под пулями слишком опасно... Молодой раненый воин лежал на бизоньей шкуре и умирал, ни на что не жалуясь. Детишки рыдали от нестерпимого холода. И никакой возможности развести костер... Всю ночь мы провели в земляных ямах. Холод становился жёстче. Снег валил и валил. Мы, мужчины, не могли позволить себе уснуть, несмотря на усталость, потому что ждали броска солдат каждую минуту. Ночь казалась бесконечной... Я чувствовал, что приближалась развязка».

что его люди будут отправлены обратно в долину Лапуай. Но я знал, что никто никогда не позволит ему жить в родном краю после стольких боёв, в которых он избил профессиональных армейских вояк в кровь. Зачем властям выполнять обещание, данное военному пленному?

Жозеф остался один. Его брат Оллокот погиб в последнем бою вместе с многими другими вождями и славными воинами. Белая Птица сумел ускользнуть из-под носа солдат и направился в Канаду, надеясь на гостеприимство Сидящего Быка, который скрывался там от армии Соединённых Штатов. Люди Сидящего Быка оказали радушный приём беглецам, и Проткнутые Носы оставались среди Сю до весны. До них дошли слухи, что их родному племени разрешили вернуться на родину, но слухи, разумеется, оказались ложными.

Пленных индейцев отправили сперва в форт Кио, где Майлс собирался продержать их до весны и оправить в резервацию Лапуай. Но почти сразу он получил уведомление, что Проткнутые Носы будут переселены в другое место. Пленников разделили на группы и спустили вниз по реке Жёлтый Камень к форту Бафорт, затем – в форт Линкольн, куда они добрались 16 ноября, покрыв восемьсот миль. Но это оказалось не окончательным пунктом назначения. Военное командование успело изменить своё решение, и теперь несчастным дикарям предстояло ехать в форт Ливенворт, чтобы поселиться на так называемой Индейской Территории и погибнуть там в жутких условиях. Я слышал, что некоторые чиновники высказывались против высылки Проткнутых Носов на Индейскую Территорию, так как опыт уже доказал неразумность высылки северных индейцев в южные регионы. Тем не менее делались все приготовления для дальнейшей отправки пленных через четыре дня.

Таким образом, триста семьдесят Проткнутых Носов попали в резервацию Оклахомы. Показатель смертности среди них был ненормально высоким. Практически все родившиеся на той земле малыши умерли. Множество детей, переживших военный поход, скончались на территории резервации.

Отчаявшись, Жозеф стал пробиваться к президенту страны, но его переговоры не принесли никаких результатов. То и дело с ним встречались газетчики, публика жаждала услышать новые и новые подробности из уст самого Жозефа, считая его настоящим героем. В одном из его интервью я прочитал: «Я слышал только разговоры, но ничего не делалось. Хорошие слова не живут долго, если они не вырастают в конкретные дела. Слова не могут заплатить за смерть моих людей. Ими нельзя расплатиться за мою землю, которую теперь топчут Бледнолицые. Словами не сохранить могил наших отцов. Хорошие слова не вернут моих детей. Хорошие слова не сделают реальностью обещания, данные мне военным вождём Майлсом. Хорошие слова не подарят моим людям здоровья и не остановят смерть. Хорошие слова не обеспечат моих людей домом, где можно жить спокойно. Я устал от разговоров и не могу понять, почему такое множество разных белых вождей может говорить такие разные вещи и обещать так много различного».

Но что приносили его слова? Ничего. Сытые граждане сочувственно покачивали головами, но всё оставалось на своих местах.

Я тоже вернулся в спокойствие уютного родительского дома. Мне бесконечно одиноко, бесконечно грустно, когда я вспоминаю о тех событиях. Мне до сих пор кажется невероятным, что клинки и копья не превратили моё тело в окровавленную грудку мяса, что я волен свободно дышать и передвигаться, а люди, которые могли уничтожить меня, но по неведомой мне причине сохранившие мою ничем не примечательную жизнь, все почти сгинули.

Мои друзья (друзья ли это?) настоятельно советуют мне забыть о том, что я видел и испытал. Но сделай я так, меня всю жизнь преследовал бы невыносимый стыд, ибо моя жизнь приобрела настоящую окраску только после безрадостного завершения жуткого похода. Всё, что я не умел ценить по-настоящему до того – солнце, луну, смену времён года, нежную утреннюю росу, молчание одинокой спальни – проявилось во всей красе лишь теперь. Я возношу благодарения Богу за дарованную мне жизнь.

И всё же мне одиноко и грустно. Передо мной на столе стоят белые тарелки, на них лежит бифштекс, от него валит ароматный пар. Обильный гарнир. Соусы. Вино в высоких бутылках. Такая тихая, безмятежная жизнь. Я оглядываюсь вокруг и не могу понять, какого счастья мне ждать ещё, как мне поделиться им с другими?

Апрель — май 1993

Москва

Мёрзлая кровь

«Цель войны – убийство. Орудия войны – шпионство, измена и поощрение её, разорение жителей, ограбление их или воровство для продовольствия армии; обман и ложь, называемые военными хитростями».

Лев Толстой

– Это и есть знаменитый форт Ларами?

Девушка с любопытством огляделась. Ей было лет двадцать, не больше. Копна светлых волос, слегка выбившаяся из-под заколки на затылке, придавала ей чарующее изящество и подчёркивала мягкий рисунок лица. Её звали Нэнси и её нежное имя вполне соответствовало её облику.

Она обернулась к сидевшей рядом женщине и спросила:

– А где же громадные крепостные стены, мадам? Где могучие бастионы?

– Не знаю, милочка, – пожала в ответ плечами Кэтрин Трублад (ибо таково было её имя) и поправила шляпку. – Какое сегодня жгучее солнце.

Два месяца назад Нэнси Смоллет нанялась в прислуги к миссис Трублад, муж которой, лейтенант Генри Трублад, был приписан к экспедиции полковника Кэррингтона. Дело было, конечно, не в желании девушки отправиться с военной колонной, чтобы познакомиться с неизвестными краями Дикого Запада. Причина таилась в том, что с этой экспедицией уезжал и Тим Хэнкс, который последние шесть месяцев считался женихом Нэнси.

– Похоже на то, что у нас будет непродолжительная остановка, – сказала Кэтрин. Она была лишь на пару лет старше Нэнси, но являла собой полную её противоположность: чёрные жёсткие волосы, острый нос, узкие губы, строгий взгляд. С Нэнси она разговаривала без высокомерия, но никогда не забывала держать дистанцию.

Спустившись из коляски на землю, Кэтрин отряхнула зажатой в руке перчаткой пыль с подола синего платья, сшитого в тон армейской униформе. На плечиках у неё красовалась вышивка, напоминавшая лейтенантские погоны. Нэнси вышла из коляски следом.

– О, Марго, дорогая моя! – воскликнула Кэтрин, увидев неподалёку жену полковника Кэррингтона. – Как вам это зрелище? – не то спросила, не то пожаловалась миссис Трублад.

– Грандиозно! – откликнулась Маргарита Кэррингтон. – Посмотрите, какое скопление народу. Потрясающе. Никогда не представляла, что нам удастся увидеть столько дикарей сразу. Я слышала, что здесь будет вся нация Лакотов... И всё же столько дикарей сразу...

Фургоны военного обоза, в котором только что прикатили собеседницы, начинали выстраиваться по квадрату. Повсюду появились часовые, устало щурившиеся под солнцем.

– Капитан, объявите всем, что всякая торговля с индейцами строго запрещена! – услышала миссис Кэррингтон голос мужа и оглянулась.

Полковник сидел на серой лошади и отдавал распоряжения трём конным офицерам. Они козырнули, повернули своих лоснящихся скакунов и умчались.

– Дорогой, – заворковала Маргарита, беря под локоть миссис Трублад, и вместе с ней подошла к полковнику, – не пора ли нам отобедать? Мы изрядно утомились.

– Мадам, – заговорила Нэнси из-за плеча миссис Трублад, – вы позволите мне пройтись вокруг после того, как завершится обед?

– Гуляй себе на здоровье, только не забывай, что вокруг нас настоящие дикари.

– Не беспокойтесь, мадам, я буду крайне осторожна. Да и защитник у меня есть хороший, – улыбнулась Нэнси и откинула со лба золотистую чёлку.

– Знаю, знаю, – Кэтрин строго свела чёрные брови, – но не забывай, что твой жених тут вовсе не на летнем курорте. У него служба, милочка, так что не отвлекай его без нужды, не позволяй ему расслабляться.

– Разумеется, мадам.

– Сэр!

Перед полковником остановился молодой лейтенант.

– Что случилось? – повернулся к нему Кэррингтон.

– Я только что выяснил в форте, что выделенные для нашей экспедиции сто тысяч патронов никак нам не подходят! – проговорил лейтенант, смахивая пот с лица.

– То есть?

– Калибр не тот. Это какая-то чертовщина!

– Ох уж мне эти тыловые крысы, – проворчал полковник, – всегда что-нибудь напутают.

Лёгкой рысью подъехал, вальяжно откинувшись в скрипучем седле, пожилой человек. Замшевая одежда его пропылилась насквозь, швы и складки давно засалились и выглядели абсолютно чёрными. Из-под повязанного на голове выцветшего платка выбивались пряди седых волос. По тёмному от загара лицу были рассыпаны серебристые искры щетины. Нэнси хорошо знала этого человека в лицо. Это был известный по всему пограничью следопыт по имени Джим Бриджер.

– Ты тоже хочешь повеселить меня новостями, Джим? – Кэррингтон посмотрел на Бриджера.

– Я видел у нескольких индейцев бочонки с порохом, – проговорил Джим, щурясь. – Это армейский порох, полковник. Не знаю, кто продал его, но кто-то это сделал. Можете быть уверены...

– Чёрт подери этих свиней! – Кэррингтон обернулся к женщинам и покачал головой. – Простите мне эту мою несдержанность, но иногда я просто сгораю от злости... Поехали, Джим. Надо разобраться во всём этом бардаке...

Повсюду сновали индейцы. Одни были одеты, другие полуголые, на третьих же не было ничего, кроме набедренной повязки. Маленькие дети бродили вокруг своих родителей совершенно голые, некоторые сосали леденцы, то ли купленные, то ли украденные в лавке. Молодые индеанки мило улыбались солдатам и просили дать им кружку риса, сахара, кофе, муки. Они быстро рассыпали поданное им по сумкам и принимались просить опять. Мужчины не обращали внимания на поведение своих жён. Они считали такое попрошайничество вполне нормальным.

– *Ваайте, ваайте*, – слышалось отовсюду.

– Это обычные цыгане, – разочарованно проговорила миссис Трублад, наклоняясь к уху Маргариты Кэррингтон, – они грязны, и от них дурно пахнет. Где же их сказочная гордость, о которой написано столько книг?

Иногда перед женщинами останавливался какой-нибудь коричневый от солнца воин и быстрыми жестами что-то объяснял, не произнося ни слова.

– Чего им надо? – недоумевала Кэтрин.

– Понятия не имею, – отвечала Кэррингтон и, выразительно пожимая плечами, показывала дикарям, что их жесты ровным счётом ничего не значили для белых женщин, поэтому объясняться таким образом не имело смысла.

– Какими глупыми они кажутся, – проговорила Кэтрин, оглядывая индейцев, которые, похоже, посмеивались над непонятливостью белых женщин. – А как от них пахнет, Марго, почти воняет!

– Ещё бы, дорогая моя. Взгляните на их волосы, на них намазано столько медвежьего жира, что косы весят целый пуд.

– Зачем они так мажутся? На этот жир страшно налипает пыль.

– Должно быть, это считается у них своего рода шиком. Впрочем, я не знаю. Надо спросить у Джима.

– Этот Бриджер кажется мне ничуть не умнее краснокожих... Ой, а это что ещё за особы? – Кэтрин кивком головы указала на двух белых женщин, которые неторопливо подошли к солдатам, покачивая бёдрами.

– Похоже, это проститутки, – предположила Маргарита.

– Неужели в форте есть проститутки? – не удержалась и воскликнула Нэнси из-за плеча хозяйки.

– От них пахнет псиной, – Кэтрин Трублад скривила лицо, – не человеком, не женщиной, а псиной.

– Будьте снисходительной, дорогая, – ответила Марго. – Эти жалкие существа – тоже женщины и тоже хотят любви.

– Эти... они не люди, – решительно проговорила Кэтрин. – Их невозможно любить человеческой любовью. Собаку тоже можно любить, ласкать её, играть с нею, кормить заботиться. Но не как человека любить, а как собаку.

Кэтрин Трублад тряхнула головой, как бы ставя окончательную точку.

– Нэнси, – Маргарита повернулась к девушке, – Кэтрин сказала мне, что ты ведёшь дневник?

– Да, мадам.

– Ты непременно должна занести туда впечатления о сегодняшней нашей остановке, о дикарях и даже об этих несчастных женщинах, вынужденных торговать своим телом в этих диких местах.

«Воскресенье, 17 июня, 1866. Покинули форт Ларами и остановились на берегу реки Платт возле ранчо, которое носит название Девятая Миля. На расстоянии примерно шестидесяти миль отсюда возвышался пик Ларами. Я слышала от Джима Бриджера, что форт Ларами – излюбленное место многих торговцев и фермеров, женатых на индейках. Здесь постоянно находится множество индейцев. Джим рассказал, что обычно форт Ларами очень приветлив, но этого, к сожалению, нельзя сказать о тех днях, которые мы провели возле форта. Индейцы очень недовольны тем, что Кэррингтон ведёт экспедицию в самое сердце их страны. Это, оказывается, противоречит всем заключённым с туземцами соглашениям.

Меня очень удивляет, что взрослые люди не могут договориться. Быть может, ни одна из сторон просто не желает прийти к нерушиму союзу? Всего этого я понять не могу, из-за чего на душе лежит лёгкая тень беспокойства. Но эта тень не способна заглушить яркие впечатления от нашего путешествия.

Наш обоз состоит из двухсот двадцати шести фургонов, запряжённых мулами. Помимо них, имеются также медицинские повозки. И ещё оркестр из тридцати человек. Можно легко представить, что думают о нашем походе дикари. Они наверняка полагают, что мы отправляемся навеки обосноваться на их земле.

Эта страна удивительно красива. Пусть индейцы нас и не приветствуют, но природа не противится нашему вторжению: пахнет цветами, отовсюду льётся пение птиц, шныряют лисицы и койоты, то и дело на глаза попадаются величавые олени и стада могучих бизонов. Природа будто бы похвастается своими богатствами. Здесь просто рай земной. Иногда меня охватывает чувство блаженства!

18 июня. Сегодня утром долго разговаривала с Тимом. Мне кажется, что я перестаю понимать его. Он чем-то сильно раздражён, но я не могу разобраться, чем именно. Не могу занести его слова в мой дневник, ибо никакой внятной мысли я от Тима не услышала. Сегодня он совсем не похож на того Тима, которому я отдала моё девичье сердце.

В три часа дня просигналил горн, и мы выдвинулись из Девятой Миля. Проехали мимо сухого притока Тёплого Ключа, мимо Ручья Горького Тополя и через шестнадцать миль остановились на Малом Горьком Тополе. Здесь полным-полно тенистых деревьев, воды и травы. Трава очень высокая и шумная на ветру. Глядя на эти заросли, я невольно погружаюсь в детство: тогда всё казалось громадным и сказочным. Здесь, на берегу Горького Тополя, меня окутал дух давно забытой сказки.

19 июня. После восемнадцати миль пути остановились близ прекрасного ущелья, по которому река Платт течёт из Скалистых Гор.

Старый Джим Бриджер ведёт себя настороженно, постоянно осматривается и указывает нам на горы, мол, там наверняка притаились злые дикари. Все посмеиваются над этим пропахшим дымом человеком. Все вокруг думают, что он специально преувеличивает опасность, желая тем самым повысить собственную значимость. Мне тоже кажется, что он сгущает краски: индейцы ведь не проявляют никакой враждебности, несмотря на высказанные ими в форте Ларами угрозы. Старый Джим иногда напоминает мне ворчливого гнома из детских рассказов про Эльфов, хмурится седыми бровями, грозит пальцем и пугает несмышлёных детишек.

20 июня. Добрались до паромной переправы, которой владеет некий мистер Милс. Владелец парома сообщил, что за день до нашего прибытия поутру нагрянули индейцы и угнали с его пастбища десять голов рогатого скота. С Милсом живёт жена, она из Лакотов; помимо этой индеанки, при Милсе живёт ещё один дикарь по имени Кривой Корень, который помогает ему вести хозяйство. Кривой Корень тоже из Лакотов. Он отправился по следам угонщиков и сумел незаметно увести у них обратно семь коров из десяти угнанных. Он утверждает, что угонщики были Оглалы из группы вождя по имени Красное Облако. Эту группировку воинственного племени Лакотов называют Плохими Лицами.

В этом месте громоздятся причудливые горы красно-бурого цвета; они похожи на аккуратно сложенные глиняные плиты – бесчисленные эти плиты сдавливали своим весом друг друга, потрескались, размылись дождевыми потоками и вдруг окаменели в таком исковерканном виде. Потрясающее зрелище! Смотришь на здешние утёсы и видишь перед собой одну из застывших форм времени. Растрескавшиеся скалы и гигантские ели.

Моё сердце готово растаять от восторга.

22 июня. Вечером в долине между холмами я видела оперённых всадников. Со мной рядом был Тим, но его присутствие не успокоило меня. Мне показалось, что от тех индейцев исходил какой-то устрашающий дух. Они подъехали настолько близко, что я разглядела раскраску на их лицах. Белая глина покрывала их лица и плечи густым слоем. Чёрные точки глаз выглядели ужасно и пугали. На одном из всадников была пушистая шапка с бизоньими рогами. Индейцы покружили на месте, не доехав до нас, и скрылись в лесу.

Джим Бриджер усмехнулся, услышав мой рассказ про встречу с индейцами. Теперь мне кажется, что он прав, говоря о подстерегающей нас опасности. Покуда я видела индейцев только в форте, они казались мне просто примитивными людьми. Но теперь я увидела их в раскраске, и они напугали меня. При них были топоры, дубины и луки со стрелами.

Неужели мы все (наши предки) тоже были такими же дикими варварами? Неужели и мои прапрадеды бродили по лесам и горам, вымазавшись глиной, и дрались друг с другом тяжёлыми дубинами? Не верю я в это, хотя и понимаю, что не всегда мы принадлежали к цивилизованному миру.

И вдруг подумалось: а не точно ли такая же я примитивная дикарка, когда вхожу на центральную улицу моего родного города, ярко накрасив губы и глаза и повесив в уши серьги? Для чего мне браслеты и прочие побрякушки? Для чего мне всевозможные бантики и ленты на платьях? Разве это не те же орлиные перья в волосах и не та же белая глина на голых телах индейцев?

23 июня. Прошли шестнадцать миль. Остановились возле ручья, который наши проводники называли Полынной Речкой.

24 июня. Остановились возле сарая с вывеской «Магазин». Заправляет этим магазином Луи Газон. Луи и его жена-индеанка открыли торговлю на дороге к будущему форту. Форты ещё нет, а торговля уже идёт. Торговая лавка забита фруктовыми консервами, спиртными напитками, ножевыми изделиями, табаком, бусами, печениями, сыром. Луи очень похвастался тем, что он был первый торговец на пути в страну золота и дичи. Он говорит о себе так: «Луи Газон имеет хорошую голову! Без хорошей головы в наше время ни купить, ни продать нельзя ничего. Ха-ха! Если бы Луи не поспешил сюда, то его обскакали бы другие купцы. А я не люблю, когда меня обскакивает кто бы то ни было. Зато теперь я обеспечил себе хорошую жизнь. Моя скво⁶ очень довольна, что её соплеменницы смотрят на неё с завистью. Они хотели бы получить всё, что у нас есть в лавке. Да, они нам завидуют». Жена доктора Хортон купила у Луи Газона маленькую антилопу.

Странный человек, этот Луи: кто может завидовать ему, кто может желать такого же прозябания в безвестном уголке? Впрочем, ему, похоже, нравится его существование. Выглядит он забавно, весь растрёпанный, одет не то под городского купца, не то под индейца. А жена у него красивая, статная, темнокожая и улыбчивая. Я бы хотела, чтобы у меня были такие же красивые крупные зубы.

25 июня. Прошли пятнадцать миль. Остановились возле южного притока реки Шайен. Повсюду лежит сухой бизоний помёт, его используют в качестве топлива, чтобы не тратить время на сбор дров. Однако воды мало, она в эту жаркую погоду ушла из реки. Мужчинам пришлось копать песчаное русло, чтобы добраться до живительной влаги. Отсюда прекрасно виден пик Ларами, острым углом возвышающийся над скалами, которые громоздятся каменными пирамидами одна над другой. Чарующий вид!

Я чувствую, что в моём сердце всё больше и больше растёт благодарность судьбе за предоставленную возможность отправиться в эти края. Во всём виновата моя любовь к Тиму. Не повстречай я его, сидела бы сейчас в унылом родительском доме и изнывала бы от тоски».

– А этот Бриджер на самом деле так хорош, как о нём говорят? – полюбопытствовал молоденький солдатик, спрыгнув с лошади и разминая ноги.

– Говорят, он пасётся в прерии уже больше сорока лет, – отозвался Тим. – За такой срок вольно или невольно научишься распознавать следы в траве.

– А ты давно мотаешься по пустыне? – встрял Патрик Шэнон.

– Мне было восемнадцать, когда Юг поднял мятеж. Я сразу пошёл добровольцем на войну и стоптал не одну пару сапог. – Тим опустил на землю и потянулся. – Теперь я проклинаю себя за моё желание служить родине. Пришлось глотнуть и пота и слёз. Впрочем, я многое повидал, наступая и отступая. Я даже видел, как генерал Ли пописывал бумагу о капитуляции.

– Значит, ты пропахал через всю гражданскую войну?

– От начала до конца. И вот что я скажу тебе, приятель: война – это самая вонючая помойная яма из всех, в которых мне приходилось побывать. Я рад бы похвастать, но нечем. Я поймал два куска свинца в левую руку и один свинец в правую лодыжку. Кроме того, меня угораздило попасть под копыта одной строптивой лошадёнки, и она едва не проломила мне череп. Одним словом, я проглотил столько дерьма, что и говорить об этом не следует.

– Стало быть, ты не остался доволен службой?

⁶ С к в о – женщина.

– А ты полагаешь, что перечисленные мною подарки судьбы настраивают на благодушное настроение?

– Тогда почему же ты не уволился, Тим?

– Как же не уволился? Я ушёл из армии сразу после окончания боевых действий, будь они четырежды прокляты. Но дома у меня что-то не заладилось. Семья большая, а хозяйства никакого. Да все мои домашние успели изрядно отвыкнуть от меня. Меньше года промыкался и вот опять подрядился носить это синее тряпье.

– Опять в помойную яму?

– Мне двадцать три отстегнуло, но что делать? Если так пойдёт и дальше, то придётся остаться в армии навсегда. А ведь у меня невеста. Она из-за меня нанялась прислуживать в семью лейтенанта Трублада. А жена у него, скажу я тебе, просто крыса. Жаль мне мою Нэнси.

– Значит, ты человек бывалый. А вот про золото в Чёрных Холмах приходилось слышать? – спросил, жуя табак, Патрик Шэнон.

– Нет.

– А вот до меня дошёл слухок, – встрял Альберт Уолтер, – что Бриджеру посчастливилось однажды найти в Скалистых Горах потрясающий алмаз. Искал золото, а наткнулся на алмаз. Так вот, при свете этого камня он проехал добрых тридцать миль во время ночной бури – алмаз освещал дорогу.

– Чушь, – недоверчиво хмыкнул Тим.

– Мне рассказывал об этом человек, который провёл с Бриджером целый год в горах, – заверил Уолтер.

– Алмазы не сверкают, – неуверенно парировал Тим.

– Не знаю, что там насчёт алмазов, но мне доподлинно известно, что Джим Бриджер любит приврать, – вновь заговорил Патрик Шэнон. – Когда мы проезжали мимо форта Ларами, я собственными ушами слышал, как он рассказывал жене полковника, будто в дни его молодости на месте форта торчала высоченная скала. На вопрос, куда же она делась, он заржал, как старая лошадь, и ответил, что скала эта была разбита ударом молнии и превратилась в песок. Разумеется, миссис Кэррингтон ему не поверила. Она сказала, что такого быть не может. Она даже попыталась пристыдить Джима. А он себе похмыкивает. Миссис Кэррингтон вроде даже обиделась на него. Тогда он и пояснил ей, что привык подшучивать и даже обманывать путешественников, ведь они, мол, обычно даже «спасибо» не говорят ему за его работу.

Солдаты любили посудачить о Джиме Бриджере и Джеке Стиде, характеры и жизнь которых оставались для них неразрешимыми загадками. Что заставило этих людей покинуть оживлённый мир и уйти в глухие пространства прерий и гор? Неужели вдали от людской толпы они ощущали себя гораздо увереннее и спокойнее, несмотря на поджидавшие их на каждом шагу опасности?

– Если ваши солдаты, лошади или кто-либо вообще будет оставаться без присмотра, – сказал Бриджер, подъехав к Кэррингтону, – у них будут неприятности. В этом я не сомневаюсь.

– Мы двигаемся в самое логово этого дикарства, – мотнул головой Джек Сид, подсакав к полковнику через секунду.

– Да, там вас никто не поприветствует рукопожатием, – поддержал его Бриджер. – Лакоты не хотят мира с белыми, которые приходят на эту землю без приглашения.

– Быть может, эти племена не знают о переговорах в Ларами? – предположил лейтенант, стоявший рядом с Кэррингтоном.

– Знают, – Бриджер уверенно покачал головой, обвязанной платком. – Помните Кривого Корня?

– Это кто такой?

– Индеец, который помогает хозяину парома.

– Да, вспомнил его.

– Тогда вспомните и то, что он угнал обратно украденный с фермы скот. Помимо коров, он пригнал обратно и лошадь, нагруженную подарками, которые выдавались индейцам в форте Ларами. Так что дикари прекрасно знают обо всём. Знают они и о том, что Красное Облако отказался заключить мирное соглашение с правительством США. Так что желающие присоединиться к Красному Облаку чувствуют себя более чем свободными от каких-либо обязательств. Красное Облако – один из самых весомых людей среди Оггалов.

«27 июня. Пройдена двадцать одна миля до Сухого Притока Пыльной Реки. Рано утром удалось впервые взглянуть на великолепные горы, известные как Большой Рог.

– Большой Рог. Так индейцы называют горных баранов, – пояснил Бриджер. – В этих горах большерогих баранов просто тьма, поэтому горы и называются Большой Рог. А вон там сияет на солнце Облачная Макушка.

– Она и впрямь похожа на облачную. Вокруг тёмные скалы, а этот пик искрится снегом, будто невесомый, воздушный.

– Там нет снега, мэм, – улыбнулся мне Бриджер, очень довольный произведённым на девушку впечатлением.

– Как так? Макушка вся светится!

– Попросите бинокль у кого-нибудь из офицеров, и вы сможете убедиться, что там нет снега.

После долгих обсуждений, передавая из рук в руки бинокли, мы так и не смогли прийти к твёрдому убеждению, покрыта ли Облачная Макушка снегом или же это песок отражает солнечные лучи.

– А справа что за горы?

– Чёрные Холмы, мэм.

28 июня прошли так называемые Бизоньи Ключи и спустились по сухому притоку Пыльной Реки. Всего шестнадцать миль. С самого утра шли по руслу реки, покрытому водой лишь на несколько сантиметров. Травы мало, но множество тополей повсюду.

– Вот мы и на Пыльной Реке. Это самое сердце Абсараки, – сказал мне Джим Бриджер

– Что такое Абсарака?

Бриджер неторопливо и широко обвёл рукой:

– Весь здешний край, всё вокруг – это Абсарака. Этим словом себя называют индейцы Вороньего Племена. Раньше вся эта территория была под их контролем, но их вытеснили Лакоты и Шайены. Теперь только старожилы, к которым отношусь и я, продолжают называть эти места Абсаракой.

– Абсарака. Красивое название. Но пугающее. В нём угадывается дикость.

– Здесь повсюду дикость, мэм. – Джим посмотрел на меня очень ласково. Я давно не встречала такого взгляда, должно быть, с далёкого детства. – Здесь не может не быть дикости. Дикие звери, дикие люди, дикие реки... Но для меня всё это – норма, а не дикость. Я не понимаю, зачем вы сюда приехали, мэм...

Я и сама не понимаю. Неужели мною двигает только любовь к Тиму? Неужели я решила бросить всё только ради того, чтобы не разлучаться никогда с моим милым Тимом и испытать на себе те же тяготы пограничной жизни, что выпадут на его долю? Наверное, это было глупо с моей стороны – решиться на это. Ведь с Тимом я знакома совсем недолго. Не могу понять, чем он очаровал меня. Неужели только тем, что был моим первым мужчиной? Или я увидела в нём настоящего героя? Ведь он немало рассказал мне про войну, хотя и не выпячивал себя. Не знаю. Не понимаю себя. И не слышу в моём сердце ничего по поводу этой экспедиции. Что меня ожидает впереди? Что ожидает нас всех?

29 июня. Природа вокруг изменилась сегодня. Кактусы, столь беспокоившие лошадей и сильно мешавшие пешим путникам прежде, стали встречаться гораздо реже. Повсюду разливается дурманящий запах полыни. Дикие тюльпаны, душистый горох и многочисленные выюнки радуют глаз. Люди то и дело останавливаются, собирая индейский картофель и дикий лук.

30 июня. Джим Бриджер не умеет читать, но ему нравится, когда кто-то читает ему. Он с удовольствием слушал, как я читала ему вслух Шекспира. Забавный старик. Ему нравится Шекспир, но он сильно сомневается в правдивости Библии.

– Не могло быть в жизни всей этой чепухи, которую рассказали про Самсона, – качает он головой. – Как это Самсон смог схватить триста лисиц и связать им хвосты в узел? Не может такого быть! Это не человек, а чёрт какой-то. Нет, мэм, такого не могло быть, хоть об этом и написано. Надо же придумать: связать лисицам хвосты узлами, воткнуть в эти узлы по факелу и направить этих зверей на поля врагов, чтобы сжечь их. Даже краснокожие не додумались бы до такого... Нет, мэм, вы уж лучше почитайте мне Шекспира. Этот парень здорово рассказывает, слово к слову ложится. И голова у него варит. Но должен сказать вам, что сердце у этого Шекспира недоброе. Сколько подлостей он держит в голове, сколько обиды у него, сколько гадостей он рассказывает про людей...»

Индеец был старым. Морщины испещрили его лоб до такой степени, что кожа сделалась похожей на спёкшуюся картошку, а не на человеческую плоть. Но он легко, без малейшего труда слез с пегой лошади. Джим Бриджер подошёл к нему и протянул руку для пожатия.

– Он утверждает, – сказал Бриджер после нескольких минут разговора с дикарём, – что приехал посмотреть на солдат. Он никогда не сталкивался с белокожими военными людьми. В его племени поговаривают о войне, вот он и приехал посмотреть на людей, которые считаются его врагами.

Полковник Кэррингтон вышел вперёд и предложил индейцу сесть возле костра.

– Спроси у него, Джим, думает ли он, что мы опасны для его племени.

– Нет. Он так не думает. Но так думает племя. Сам же он считает, что Синие Куртки слабы и бестолковы. Он посмеивается над огромным числом фургонов, которые прикатили сюда. Он удивляется: неужели без всех этих вещей солдаты не смогут прожить?

Индеец поправил красное одеяло, обёрнутое вокруг бёдер, обвёл глазами собравшихся вокруг него белых людей и покачал головой. Его седые волосы были сплетены в тугие косы и перевязаны полосками из медвежьей шкуры.

– Он говорит, что не понимает, зачем сюда пришли Синие Куртки, – продолжил Бриджер переводить слова дикаря. – Он полагает, что мы опасны именно тем, что в нас много непонятного...

Индеец поднялся, будто собираясь уйти, и потёр колени. Его коричневые пальцы были одного цвета с засаленными ноговицами.

Внезапно он застыл и спросил что-то.

– Он хочет знать, кто эта девушка.

– Которая девушка? – уточнил Кэррингтон, и стоявшие вокруг него офицеры расступились.

Индеец выпрямился и вытянул руку по направлению к Нэнси.

– Чем-то ты привлекла его, дочка, – проговорил Джим и поскрёб ногтями свою бороду.

– Что ему надо от неё? – шагнул вперёд Тим Хэнкс. – Какого дьявола он тычет в неё пальцем? Может быть, он хочет напугать её?

Бриджер подошёл поближе к индейцу и перебрался с ним несколькими фразами. Прошла минута, другая, третья. Индеец что-то говорил тихим голосом, затем посмотрел на Тима Хэнкса.

– Дочка, – Джим поманил Нэнси к себе, – индеец просит тебя приблизиться.

Девушка сделала несколько шагов вперёд.

– А вы, джентльмены, – сказал Бриджер, оглядывая столпившихся офицеров, – отступите в сторонку. Тут не о военных делах идёт речь. Эти слова не для посторонних ушей.

– Мне тоже отойти? – удивился Кэррингтон.

– Да, сэр, – кивнул старый проводник, почёсывая шею.

– Чего он хочет, Джим? – Нэнси настороженно поглядывала на темнокожего дикаря. Её глаза внимательно оглядели худощавые старческие руки и задержались на его груди, рассечённой глубокими вертикальными шрамами. Глаза индейца то опускались, упираясь взором в угли костра, то поднимались и начинали ощупывать лицо белой девушки.

– Он говорит, что твой облик знаком ему, – перевёл Бриджер слова индейца. – Он видел тебя.

– Этого не может быть, – Нэнси отрицательно покачала головой, в её глазах мелькнул испуг. – Я не бывала здесь раньше.

Она оглянулась и увидела позади напряжённую фигуру Тима. Солдат пытался распознать, о чём шла речь, но не мог.

– Я здесь впервые, – повторила Нэнси.

– Этот индеец, – сказал Бриджер, – ни разу в жизни не встречал белых женщин. Он говорит о своём сне. Он видел белокожую девушку во сне и считает, что это была ты, Нэнси.

– Я? Это странно... И что я делала?

– Он говорит, что ты остановила пули, которые предназначались его сыну, – продолжал переводить Бриджер. – Его сын очень уважаем в племени. Его сына зовут Человек-Упавший-С-Бизона. Это очень смелый воин. Но в его сне Человек-Упавший-С-Бизона попал под дождь, это был дождь из пуль, и вокруг танцевали синие тени. Старик думает, что это были тени Синих Курток, то есть наших солдат. Поэтому он и приехал посмотреть на нас. И вот он увидел тебя и узнал.

– Джим, – Нэнси почувствовала мелкую дрожь во всём теле, – что это может означать? Я боюсь. Я ничего не понимаю.

– Ещё он говорит, – продолжал Бриджер, внимательно вслушиваясь в слова индейца и следя за быстрыми жестами загорелых рук, – что тебя привело сюда не то, о чём ты думаешь. Есть какой-то человек, которого ты считаешь своим... Этого я не понимаю, дочка, возможно, речь о твоём женихе... Но человек этот расстанется с тобой. Он говорит, что видит в сердце того человека два огня. Один огонь маленький, и его искры направлены к тебе. Другой огонь большой, и его искры летят в противоположную сторону от тебя и от синих теней...

Индеец улыбнулся беззубым ртом и подался немного вперёд, вытянув жилистую руку, запястье которой было украшено ниткой с крупными белыми бусинами.

– Я ничего не понимаю, Джим. Зачем приехал этот дикарь? Зачем? Что ему надо? – Девушка впиалась пальцами в локоть Бриджера.

– Не бойся, дочка, – отозвался следопыт, – у этого краснокожего нет дурных намерений. Индеец коснулся узловатыми пальцами плеча Нэнси и тихонько рассмеялся.

– Он доволен, что повидал тебя, – перевёл Джим, когда индеец вновь заговорил. – Теперь он уверен, что сон поведал ему правду...

Дикарь поднялся и накиннул соскользнувшее одеяло на свои худые плечи. Не произнеся больше ни слова, он взобрался на свою пегую лошадку и неторопливо поехал прочь.

«8 июля. Вчерашний визит индейца произвёл на меня сильное впечатление. Старик сказал, что видел меня во сне. Как он мог видеть меня, если мы никогда не встречались? И сказал, что я каким-то образом спасла его сына от пуль. Слава Богу, что это лишь его сон. Но в любом случае осадок у меня на сердце остался тяжкий. Любое предупреждение – пусть самое нелепое – о будущем вселяет тревогу. А вдруг?.. Возможно, мы начинаем строить наше будущее на самых беспочвенных предсказаниях и эта беспочвенность делается настоящим фундаментом? Если так, то это ужасно. Мы вселяем силу в то, что не имеет силы.

9 июля. Прошли двадцать шесть миль до развилки Безумной Женщины. Вода в Ручье Безумной Женщины очень грязная. Только ближе к ночи стоянка была оборудована для нормального ночлега. Ручей Безумной Женщины делает сильный поворот прямо возле переправы и разветвляется на два рукава. Провели разведку, нарубили деревьев.

10 июля. Поутру внезапно было обнаружено, что добрая половина наших фургонов находится в очень плохом состоянии, несмотря на то что солдаты проверяют повозки ежедневно. Вот что такое халатность.

Офицеры грубо ругаются. Возницы пожимаю плечами и отмахиваются. Наскоро соорудили кузницу и приступили к починке фургонов.

А вокруг нас – красота неопишемая. Равнина, убегающая от леса вдаль, выглядит жёлтым ковром, трава выгорела на солнце и кажется жёсткой. Зелень деревьев очень выразительна на фоне степи. А небо! Какая густая синева, какие головокружительные кручи облаков!

12 июля. Утром одна рота выступила со штабом на поиски подходящего места для строительства форта. Здесь полным-полно земляники, крыжовника, смородины, диких слив. Иногда кажется, что можно рухнуть в заросли, лежать на одном месте, и, просто вытягивая руки, и срывать ягоды, срывать до тех пор, покада не объешься».

Огромный палаточный лагерь раскинулся на месте будущего форта. Со всех сторон вздымались сосны, громоздились лысые утёсы. Ежеминутно можно было видеть мелькавшие среди зелени спины баранов, иногда появлялись медведи, по ночам протяжно и устрашающе выли волки. Старые трапперы умели различать голоса настоящих волков от индейских «волчьих» криков. Иногда индейцы стреляли из ночной тьмы по палаткам. Ночью также слышался громкий храп людей и негромкая перебранка дозорных. Выставленные пикеты сменялись каждые два часа и обязательно меняли своё местоположение.

Нэнси сидела на раскладном стуле перед костерком. Тим Хэнкс подошёл к ней сзади.

– Здравствуй, дорогая, – прошептал он.

– Я не видела тебя три дня, Тим. – Она посмотрела на него через плечо, и взгляд её влажных глаз пробудил в Тиме внезапное желание.

– Нэнси, позволь мне...

Он склонился над спиной девушки и обнял её, нащупывая ладонями женские груди.

– Я очень соскучился... И чертовски устал...

– Милый, нас могут увидеть. Здесь слишком светло.

– Давай отойдём от костра. Я так давно не ласкал тебя.

– У нас не было возможности остаться наедине. – Девушка провела рукой по его щеке и улыбнулась, ощутив прикосновение жёсткой щетины.

– Поднимись. Прошу тебя, давай отойдём в сторону.

Она послушно встала и увидела перед собой его осунувшееся лицо.

– Ты устал, милый. – Она нежно поцеловала его в губы.

– Боже, как я истосковался по твоему телу. Если бы ты знала, как мне хочется прикоснуться к твоей коже, потерев губами сосок, раздвинуть твои ноги...

– Вы очень непоэтичны, мистер Тим Хэнкс. – Нэнси грустно улыбнулась.

– Отойдём подальше от огня. Я хочу, чтобы ты раскрылась для меня. Я хочу войти в тебя.

– Тим, ты ведёшь себя так, будто я уличная девка. – Она не отстранилась от него, однако взгляд её стал жёстче.

– Ты не права, дорогая. Вымя коровы тоже не поэтично. Но оно основательно, оно наполнено молоком. И его основательностью вполне можно восхищаться, её даже можно назвать поэтичностью. А я... Да что я? Откуда мне уметь складывать стихи, Нэнси? Я солдат. Но вот что я тебе скажу. Не думай обо мне плохо. Я вовсе не кобель приставучий. Я вот касаюсь твоей мягкой ручки, и сердце у меня сжимается. Что уж тому причиной, ты сама знаешь. Мне хочется смотреть на тебя всё время и ласкать тебя, хочется зацеловать тебя с ног до головы. Что в этом дурного? И ещё мне хочется переколошматить всю эту офицерскую братию, когда я вижу, как они помыкают тобой и заставляют вертеться, как пчёлку.

– Они и тебя заставляют вертеться, Тим.

– Я солдат. Мне к такому обращению не привыкать. Я на войне привык к этому. Такова моя служба.

– А я прислуга. Я тоже обязана уметь поспевать всюду.

– Ты достойна другой жизни, Нэнси. Мы оба заслуживаем другой жизни. – Он поглаживал её спину и бёдра.

– О чём ты?

– Послушай, – он перешёл на шёпот, не прерывая движений своих рук, – я слышал от трапперов, что в этих краях можно хорошо разжиться золотом. Надо лишь знать, где искать его.

– Золотом? Откуда тут золото?

– Нэнси, я найду золото. Я твёрдо решил бросить службу. – Тим устремил взгляд в темноту. – Хватит горбатиться на этих чистоплюев в погонах.

– Подашь рапорт?

– Какой там рапорт! Я могу только сбежать. – Он крепко взял девушку за кисть руки и повлёк за собой. Удалившись от палаток шагов на десять, где царил почти полный мрак, Тим заставил Нэнси опуститься на землю.

– Сбежать? Ты хочешь дезертировать? – Она не поверила своим ушам.

– Да, но это обернётся тюремной решёткой, если меня выловят. – Он толчком руки опрокинул девушку на спину и припал ртом к её шее.

– Милый мой, – прошептала она, – ты понимаешь, что ты задумал?

– Как чудесно пахнет твоя кожа...

– Тим...

Он не откликнулся, навалившись на неё всем телом, и молча принялся поднимать юбку.

– Тим, подожди...

– Я не могу без тебя... Скорее... Ну же...

Нэнси прикусила губу, чтобы не вскрикнуть от его напора.

В следующую секунду поблизости зашуршала листва. Тим Хэнкс застыл, резко вскинув голову.

– Что это? – прошептала Нэнси.

– Кто-то крадётся...

Он осторожно сполз с оголённого живота и прислушался, медленно подтягивая спущенные панталоны. Шорох прекратился, но через минуту возобновился. Совсем близко от любовной парочки завыл волк.

– Индейцы, – одними губами произнесла Нэнси в самое ухо Тима. Он ответил кивком.

Мгновение спустя над самыми их головами грянул выстрел, за ним другой. Вспышки вырвали из зарослей кустарника очертания двух дикарей. Нэнси громко закричала и кинулась,

оправляя на бегу юбку, в сторону лагеря. Тим последовал за ней, спотыкаясь в приспущенных штанах.

«14 июля. В пять утра полковник Кэррингтон, адъютант Фистерер, капитан Эйк, проводник Брэннан и переводчик Джек Сид отправились на разведку в сопровождении конного отряда. Дежурным офицером остался капитан Эдар. В девять утра стало известно, что несколько человек дезертировали. Я побежала к солдатам и узнала, что среди сбежавших есть Тим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.